

Что может быть
опаснее правды?

ОПАСНАЯ ЛОЖЬ

МЕГАН МИРАНДА

Trendbooks thriller

Меган Миранда

Опасная ложь

«CLEVER»

2016

УДК 82-311.3
ББК 84(7Coe)

Миранда М.

Опасная ложь / М. Миранда — «CLEVER», 2016 — (Trendbooks thriller)

ISBN 978-5-00154-278-0

Жизнь Келси – череда похожих друг на друга часов. Дорога до школы, занятия за партой на последнем ряду, часы в библиотеке. Никаких друзей и парней. Став жертвой похищения в молодости, мама Келси никогда не выходит на улицу, а их дом скорее похож на замок, обнесенный высоким забором. Кого боится женщина и что скрывает? Келси знает, что должна оставаться в тени. Но любой режим однажды дает. Несчастный случай на дороге сближает девушку с одноклассником. Ради новых внезапных чувств Келси готова рискнуть всем и нарушить строгие правила. Она не знает: тот, кто ее ищет, уже совсем близко...

УДК 82-311.3

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-00154-278-0

© Миранда М., 2016

© CLEVER, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Меган Миранда

Опасная ложь

Оригинальное название: The Safest Lies

Text Copyright © 2016 by Megan Miranda

Cover © by formlabor and Carlsen Verlag GmbH, Hamburg

Фотография на обложке: <https://www.shutterstock.com/> © Aleshyn_Andrei

Published by arrangement with Rights People, London

Опубликовано по согласованию с агентством The Van Lear Agency LLC

ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2020

Глава 1

Когда-то я очень любила черные чугунные ворота у дома. В детстве они навевали мысли о тайных садах и затерянных сокровищах – великих загадках из детских книжек. Декорации настоящей сказки. Кое-где ворота оплели выющиеся растения – плющ и сорняки цеплялись за решетки, а во время грозы вокруг дома вспыхивало яркое кольцо. А мы жили внутри него.

Мне нравилось разглядывать ворота со стороны двора. Но с возрастом я стала смотреть на них иначе. С обратной стороны, через другой фильтр. Когда я оборачивалась, выходя из дома, в глаза бросались камеры над забором. Дом с непроницаемыми белыми стенами. Тень за затонированным окном.

Как же долго я не понимала, что в этом и кроется загадка. Но все же чугунные ворота казались такими родными, и каждое утро, выходя из дома, я всегда постукивала по ним на прощание. Летом металлические решетки нагревались на солнце. А зимой, когда я, укутанная в теплые шерстяные вещи, касалась холодного металла, меня иногда било искрой, как будто пронзал электрический ток, проведенный наверху. Но в целом ворота дарили мне ощущение дома.

В тот день ладонь от ворот стала мокрая, вся в утренней росе. Вокруг все сверкало в лучах рассвета. Выйдя за ворота, я увидела мамину тень в окне, а значит, пора приступать к ежедневному ритуалу.

Посмотреть в окна машины, проверить заднее сиденье, затем дверь.

Завести машину и досчитать до двадцати, чтобы прогреть двигатель.

Помахать маме, наблюдающей за мной из окна.

Положить обе руки на руль и выехать с посыпанной гравием аллеи на извилистый горный путь в школу.

Остальной мой день – череда похожих друг на друга часов, режим, выученный наизусть. Будь это любая другая среда, нет никакой разницы. Мама говорит, что режим – залог безопасности, но я не согласна. Режим можно выучить. Режим можно предсказать. Ошибочно утверждать, что режим – залог безопасности. Ошибочно даже так думать.

Далее режим по средам был такой.

Приехать в школу пораньше, чтобы найти парковку рядом с уличным фонарем, потому что я поздно закончу.

Держаться подальше от людного коридора, надеяться, что мистер Грэм пораньше откроет класс.

В классе математики занять парту в последнем ряду и плыть дальше по течению, оставаясь в основном незамеченной. В основном.

Я уже вытащила учебники, практически выполнив пункты утреннего распорядка, когда в класс влетел Райан Бейкер.

– Привет, Келси, – кивнул он и юркнул за парту, как раз когда зазвенел звонок.

– Привет, Райан, – откликнулась я.

Это тоже было частью распорядка. Райан выглядел как обычно: взъерошенные русые волосы, длинные ноги, которые ему приходилось вытягивать под стул соседа спереди или в проход между нами (сегодня в проход); джинсы, коричневые ботинки на шнурках и футболка. Для меня наступление осени в Вермонте означало, что пора носить свитер, но Райан, видимо, еще не замерз.

Сегодня на нем была темная футболка с надписью «волонтер», и я глазела на нее, пока он не заметил. Интересно, это шутка? Пальцами он барабанил по столу. Ногой пританцовывал в проходе. Я собралась спросить его про футболку, но тут мистер Грэм вызвал меня к доске,

а Райан стал рисовать на запястье синими чернилами, и, когда я вернулась, момент уже был упущен.

Первая пара прошла в основном тихо и спокойно. Люди зевали, потягивались, укладывали головы на парты, надеясь, что мистер Грэм не заметит. Девяносто минут урока все медленно просыпались. Но только не Райан – он всегда был заряжен энергией, даже в восемь утра. Вбегал в класс, приплясывал ногами под партой, а руками постоянно вырисовывал какие-то фигуры. Своей энергией он заряжал и меня. К концу пары я уже готова была вскочить. Как только звенел звонок, я вставала, махала ему на прощание и убегала на английский, делая вид, что между нами никогда не было того самого неловкого на свете разговора. Дальше распорядок был такой: английский, обед, естествознание, история. Лица, к которым за последние два года я привыкла. Знакомые имена, люди, которых я поверхностно знала. День тянулся в привычном однообразии. Моргни, и пропустишь.

А еще по средам я занималась с неуспевающими, чтобы набрать волонтерские баллы для выпускных экзаменов. Так как я в основном брала курсы выпускного класса, то оказалась на год впереди большинства своих сверстников, и это был самый простой способ выполнить требование.

В тот день мне назначили первое занятие по химии с Лео Джонсоном. Лео я уже вроде как знала по «Хижине». «Вроде как», потому что, во-первых, Лео был такой человек, кого все вроде как знали, и, во-вторых, потому что летом мы с Райаном два раза в неделю работали в «Хижине», а они с Лео дружили. Это означало, что, когда Лео приходил к Райану, он иногда мне кивал или – еще реже – называл по имени.

Войдя, он бросил напротив меня тетрадку.

– Привет, меня зовут Лео, у меня все плохо. – Он сверкнул улыбкой.

– Да, привет, вообще-то, я тебя знаю.

Он сгорбился и прищурил глаза:

– Да ну, а про то, что у меня все плохо, ты тоже знаешь?

– Ну, можно догадаться, учитывая, что тебя заставили заниматься со мной в среду после уроков. Плюс ты даже учебники не принес.

Он наклонил голову и скривил рот, как будто задумался. Я посмотрела на часы. Прошло всего две минуты. У него не было даже карандаша.

– Слушай, я в любом случае получу баллы – помогу тебе, или мы просидим все время, уставившись друг на друга. Просто скажи, что тебе больше подходит.

– Ладно, Келси Томас, – сдавленно усмехнулся он. – Я все понял. – И показал на стопку моих учебников. – Давай заниматься. Мне сказали, что без этого курса я школу не окончу.

Лео оказался не худшим на свете учеником, хотя, возможно, самым рассеянным. Он постоянно прерывался, чтобы поболтать со всеми, кто входил в библиотеку, и примерно каждые пять минут проверял часы. Через час после начала занятия он услышал шаги в коридоре, опять встрепенулся и крикнул: «Эй, Бейкер!» – хотя в библиотеке шуметь нельзя. Лео нравилось любое внимание – и плохое, и хорошее.

Райан замедлил шаг у дверей, но не остановился.

– Надо бежать. Потом поболтаем. – Тут он увидел меня и неуклюже махнул. – Пока, Келси.

Я ответила таким же полувзмахом. Лео захихикал. Когда я повернулась к нему, он все еще ухмылялся.

– Что?

– Ничего.

Я почувствовала, как краснею. Сжав карандаш, я ткнула его в бумагу, ожидая, когда Лео наконец вернется к задаче. Благодаря маме я давно обогнала сверстников по учебе. Но во всем остальном я от них сильно отстала. Наверное, так же у Лео было с задачами по химии: он

смотрел на них, но видел только непонятный шифр. Так у меня было со школой. Этот шифр я еще не взломала.

Мы с Лео подписали у библиотекарши бланки своих баллов, и она вышла сразу за нами, заперев дверь на ключ.

– Хорошо позанимались, Келси, – сказал Лео и просвистел мимо меня, как порыв ветра, а я достала из сумки телефон.

Распорядок на вечер: позвонить маме, купить газировку, ехать напрямик домой.

– Выезжаю, – сообщила я, когда она взяла трубку.

– Скоро увидимся, – ответила она.

Ее голос звучал как музыка. Как путеводная звезда. Я услышала позвякивание посуды и сразу поняла, что она уже готовит ужин. У нее тоже был свой распорядок.

Когда я закончила разговор, Лео уже не было видно. Библиотекарша ушла домой. В коридорах было пусто и тихо, только автоматы с газировкой вибрировали в углу. Я вытащила из кошелька новую банкноту и скормила ее автомату. Аппарат зажужжал, а я стала представлять все, что не вижу. Я вдруг поняла, что отмечаю про себя все выходы – старая привычка: двойные двери главного входа в фойе, пожарные выходы в конце каждого коридора, окна в любом классе, который оставили открытым...

Я отбросила эти мысли, схватила газировку и побежала к главному входу, по коридору прокатилось эхо моих шагов и звона ключей в сумке. Я остановилась, только когда добежала до островка света у машины, которая стояла на почти пустой парковке.

Сгустились сумерки, с гор доносился ветерок, а тени деревьев рядом с уличными фонарями напоминали тень от черных железных ворот у меня дома во время грозы. Я повторила утреннюю последовательность в обратном порядке: проверила заднее сиденье, завела двигатель, подождала, пока он прогреется. Телефон в сумке, сумка на заднем сиденье, фары освещают только туман и комаров.

День был хороший. Обычный. Такой же, как все остальные. Отражатели на двойной сплошной монотонно отсвечивали мои фары, почти гипнотически. Почувствовав октябрьскую прохладу, я пожалела, что не взяла пальто. Наклонившись вперед, я повернула регулятор, нажала кнопку «вкл.» и, услышав, как к вентиляционным отверстиям приливает воздух, откинулась на спинке кресла.

Прилив жара.

Вспышка света. Все завертелось.

Не знала, что воздух умеет вопить.

Глава 2

– Не бойся.

Далекий голос, как будто под водой или через стекло. И какие-то помехи... радио? Белый шум трещал, как электричество, расшатывая нервы.

Все хорошо. Теплые пальцы на шее, голос все резче.

Руки и ноги были такие тяжелые, будто всю ночь свисали с края кровати, а теперь, когда я пыталась сменить положение, покалывали иголками и ныли. Я стала искать стены комнаты, веки задрожали.

– Ты меня слышишь?

Голос принадлежал не мне, не моей маме и не Джен, но все равно казался знакомым. Мужской голос.

Это не моя комната. Я открыла глаза и попала в какую-то бессмыслицу, где все было наперекосяк: кровь текла не в том направлении, сила притяжения была не там, где нужно, а мои темные волосы спадали каскадом набок через лицо. Звук собственного дыхания, которое отражалось эхом в голове, запах горячей резины или глухой стук у меня в глазах, которые я решила снова закрыть, – во всем этом не было никакого смысла.

Но. *Не бойся. Все хорошо.* Хорошо.

– Я тебя вытащу. Все хорошо.

Все хорошо. Я повторяла это про себя, как повторяла бы мама. И хотя я впустила в себя эти слова, как теплое одеяло, которое укутывает тебя до подбородка, внутри все-таки начал зарождаться страх.

– Где я? – спросила я.

В голове что-то давило, плечи и шею сковало, суставы пульсировали, а конечности возвращались к жизни.

– Слава богу!

Голос доносился откуда-то сзади. Смутно знакомый. Но, прежде чем я смогла его вспомнить, вдалеке завизжал какой-то механизм. Тот самый шум, но теперь он стал резче и яснее.

– Что это? – спросила я.

– Все хорошо. Без паники.

Это означало, что, во-первых, видимо, все нехорошо и, во-вторых, были причины для паники. Я попробовала развернуться, но грудь и ноги стягивал ремень, сбоку больно давил металл, а когда я попыталась убрать с лица волосы, то увидела лишь какую-то белую простыню, вздымающуюся прямо передо мной. Я была в ловушке.

Ничего не хорошо. Миллион причин паниковать. *Выбраться. Надо выбраться.* У меня участилось дыхание, и я вжалась в металл, пытаясь высвободиться.

Незнакомец вдохнул и обхватил сиденье, чтобы меня успокоить.

– И еще, – сказал он. – Не двигайся.

Его рука дрожала. Меня тоже била дрожь. Вдалеке слышались другие голоса, а жужжание стало громче.

– Спускаем, – произнес кто-то.

– Хорошо, – ответил голос. А потом обратился ко мне: – Слушай, все нормально, ты попала в аварию, но мы тебя сейчас вытащим. Надо только потерпеть небольшой шум.

Я попала в аварию? *Извилистая дорога, отражатели на двойной сплошной. Свет фар, я резко выкручиваю руль...* О боже, и долго я здесь? Мама звонила? Если она не дозвонилась, то наверняка уже паниковала. Я снова убрала волосы с лица и засунула их за воротник. Руками попыталась нащупать сумку. Судя по всему, я висела – как бы по диагонали и вперед, а сумка была на сиденье сзади. То есть...

Я подняла руки за голову, но металл был слишком близко – перекошенный, выгнутый, – и сумку я не нащупала.

– Серьезно, – сказал он. – Не двигайся.

– Мне нужна моя сумка. Мой телефон. Мне надо позвонить маме. – У меня сбилось дыхание.

Он не понял. Мне нужно было сказать ей, что со мной все хорошо. *Все хорошо.*

– Мы позвоним ей через пару минут. Но сейчас ты не должна двигаться. Как тебя зовут?

– Келси, – ответила я.

Пауза, а затем:

– Келси Томас?

– Да.

Видимо, он меня знал. Наверное, кто-то из школы. Или из «Хижины», или сосед. Я потянулась посмотреть в зеркало заднего вида, которое оказалось ближе, чем я думала. Мир в нем был разбит на кусочки. Зеркало треснуло и перекошилось: в нем отражалась стена камней сбоку от горы, но моего спасителя там не было.

– Это Райан, – пояснил он, будто прочитав мои мысли, а потом добавил: – Бейкер.

– Райан с математики? – спросила я, хотя могла сказать много всего другого, но именно эта фраза первой пришла мне в голову и первой слетела с языка.

Медленное спокойное дыхание.

– Да. Райан с математики.

Вокруг меня был металл и белые подушки, и, судя по всему, я висела вниз головой, но при этом могла двигать пальцами ног, дышать, думать и разговаривать с Райаном Бейкером с математики, так что можно было исключить паралич, удушье, потерю сознания и смерть. Мама говорила, что ей всегда лучше, когда она перечисляет все, что хорошо, и начинает она всегда с «*безопасности*», но я предпочитала осознавать свою безопасность методом исключения.

– А вторая машина? – спросила я.

Он глубоко вздохнул:

– Келси, я хочу разрезать ремни и вытащить тебя, но надо подождать, пока снимут заднюю дверь. Это займет буквально минуту.

Минуту. Мое лицо сжимали подушки безопасности, а к горлу вдруг подступили зачатки паники – что, если я задохнусь или машина сейчас взорвется... Я пыталась зацепиться за обнажившиеся слова Райана «*все хорошо*», но было слишком поздно. В голове уже поселилась страшная мысль. Взрыв. Пожар. В голове проносились все возможные варианты моей смерти.

– Вытащи меня!

– Нет, это плохая идея.

Иррациональные страхи, как сказала бы Джен, мамин психотерапевт. То есть на самом деле этого не произойдет. Не забывай про разницу. Я просто уберу подушки безопасности, и все будет хорошо. Райан с математики разрежет ремень, и я вылезу, а потом найду свой телефон и позвоню маме – она сначала перечислит все, что хорошо, а уже потом перейдет к теме разбитой машины.

Я нажала на подушки, чтобы опустить их пониже, подальше от лица, и доказать самой себе, что все нормально.

– Стой, Келси. Не надо.

Но было слишком поздно, я уже увидела именно то, что он не хотел мне показывать, и из меня словно вышел весь воздух. В моем положении не было ничего *хорошего*. Лобовое стекло вылетело. А подо мной разверзлась пустота. Никакой дороги, камней, травы или заваленного горизонта. Не было *ничего*. Я висела в воздухе. Я видела только воздух, каменную стену вдалеке и туман...

– О боже! – прошептала я. И вдруг с невероятной точностью ощутила пространство вокруг себя.

За мной были камни. Сбоку – толстая шершавая кора ветки. На подушке безопасности лежал лист с засохшими краями, загнутыми от непогоды. Я слышала треск.

– Мы что, на скале?

Ну конечно! Мы на дереве над обрывом! Трясущимися руками я потянулась к замку ремня безопасности, зачатки паники переросли в полномасштабный гипервентиляционный синдром.

– Я же говорю, без паники!

– Вытаскивай меня!

Райан схватил меня за плечи. Он прижимался к спинке сиденья, и через обивку я услышала его низкий умоляющий голос.

– Пожалуйста, не шевелись. *Пожалуйста*. Не шатай машину.

И если до этого паники у меня не было, то теперь она охватила меня сполна. Волосы лезли в лицо, я закрыла глаза, скрипнула зубами, попробовала о чем-нибудь подумать. О чем угодно, кроме того, что мое тело висит на ветке над обрывом.

Джен назвала бы это *рациональным* страхом. В отличие от страха, что на наш дом упадет метеорит, меня запрут в морозильной камере в подвале или заставят разговаривать с Коулом. Эти события настолько маловероятны, что называются иррациональными страхами. Но это, прямо сейчас, – это рациональный страх, страх перед тем, что на самом деле может произойти. Я висела вниз головой в машине, застрявшей в ветках дерева над обрывом. Я держалась на одном лишь тонком обрезке от ремня безопасности.

– Как мне выбраться? – закричала я сквозь жужжание за нами. – Как, блин, мне отсюда выбраться?

– Сейчас выпилит заднее стекло, я разрежу ремень и заберу тебя. На мне скалолазная обвязка.

Обвязка. Кошмар, нам нужна обвязка!

– Ты что, один? – спросила я.

– Так надежнее, – пробормотал он.

Думаю, Райан с математики был последним человеком, которого я хотела бы видеть во главе этой операции. Райан Бейкер, который не понимал разницы между синусом и косинусом. Который вместо того, чтобы писать конспекты на уроках, разрисовывал себе руки бессмысленными витиеватыми узорами. Мое будущее было в руках человека, который не знал даже основ тригонометрии. Что, если он перепутает угол? Не рассчитает время? Как можно доверять человеку, который не понимает, что такое прямоугольный треугольник?

Ремень был пристегнут под прямым углом. Ветки, машина и скала – всюду углы. Как говорится, применение на практике. Страх: умереть сегодня. Буквально через минуту. Хуже: если я шевельнусь, то могу убить Райана Бейкера.

– Что ты вообще тут делаешь? – спросила я.

– Я пожарный-доброволец.

– Мне нужен настоящий пожарный, – сказала я высоким сдавленным голосом.

– Я *настоящий*.

– Другой!

– Поверь, я только за. Но я самый легкий. Меньше шансов, что дерево не выдержит.

Он это сказал: машина может упасть. Они тоже это знали. Им пришлось придумывать целую операцию. Падение и смерть – реальные события, которые могут произойти прямо сейчас.

– Не такой уж ты и легкий, – возразила я.

Он был значительно выше меня, широкоплеч, скорее поджарый, чем мускулистый, но уж точно не *легкий*. На глаза у меня навернулись слезы, я стала молиться: «Господи, Господи, Господи». Но под нами все равно хрустнула ветка.

– Все будет хорошо, – твердил Райан. Как будто пытался убедить сам себя.

Я попробовала глубокое дыхание – Джен показала его маме, а мама научила меня. Машина качнулась, я схватилась за руль, машина замерла, и я уж было успокоилась, но затем она снова качнулась и накренилась вниз. Учащенное дыхание Райана было слышно через сиденье.

– Возможно, самое время прекратить, – сказала я.

Если он и ответил, то я ничего не услышала из-за рева пилы или чем там они пытались вырезать багажник, а от скрежета металла у меня дрожали внутренности и ломило зубы. Райан схватил меня за руку – чтобы успокоить или чтобы я не шевелилась, не знаю.

Я не парализована, я в сознании, я не истекаю кровью, я не тоню. И вдруг шум прекратился, и через плечо пролезла рука Райана. Он протягивал мне ремень с зажимом.

– Надень это вокруг пояса. Осторожно.

У нас обоих тряслись руки. Я взяла ремень, истерически смеясь. Все в этом моменте было смешно: и Райан, и ремень, который якобы меня спасет, и скрученный лист на подушке безопасности, который местами еще был зеленым и мягким, как будто не знал, что уже мертв. Я сделала, как он сказал, стараясь не сильно двигаться. Посередине ремня был небольшой металлический замок.

– Так, – сказал он. – Хорошо. – И протянул мне веревку с еще одним зажимом. – Прицепи.

Я прицепила, краем глаза увидев лезвие ножа.

– Так, я сейчас разрежу твой ремень, но теперь ты прицеплена ко мне, а я – к отбойнику наверху, так что даже если ты повиснешь в воздухе, все будет хорошо. Но нам надо поторопиться.

Машина пошатнулась, и я вскрикнула. У меня было чувство, что, если машина сейчас упадет, *ничего* хорошо *не* будет. Ни у меня, ни у Райана. Возможно, это было связано с тем, что сила машины превосходила силу веревки, на которой мы висели. Он явно не понимал математическую сторону вопроса.

– Пора! – прокричал незнакомый голос. Взрослый. Профессиональный. – Вылезайте, быстрее!

Райан положил ладонь мне на руку, а другой рукой разрезал ремень безопасности. Меня качнуло на середину между сиденьями, я перевернулась и увидела Райана. Мы были связаны короткой веревкой, концы которой цеплялись за наши обвязки. Он схватился руками за отрезок между нами.

– Вот видишь? – произнес он.

Покачиваясь взад-вперед, я дотронулась до его плеча, и он заговорил о чем-то другом. Где-то под нами послышался медленный хруст, а затем долгий скрип – машина нагнулась вперед, и как только я дотянулась рукой до плеча Райана, то все поняла по его глазам. Я услышала резкий щелчок и почувствовала, как ослабла натянутая над нами веревка. Я отлетела и отпустила Райана. Он потянулся ко мне, но тщетно. Нас отрезало от отбойника.

Мы падали вниз.

Глава 3

Я лихорадочно пыталась ухватиться хоть за что-нибудь. Вываливаясь через лобовое стекло, я зацепилась пальцами за подушку безопасности, но это не помогло, я все равно падала, скользя руками и ногами по металлу, но тут локти врезались в какой-то желобок, и меня пронзила острая боль. Тело резко остановилось, ноги свисали вниз, вокруг – морозная ночь и бесконечная пустота.

Секунда облегчения, полувздох, и вот мимо меня в тумане проплывает тело, пытаюсь уцепиться хоть за что-нибудь, царапая ногтями, скользя кожей по металлу и по *мне*, а затем невыносимое давление на мои бедра, потому что Райан всем весом повис на веревке между мной и машиной, из-за чего мои локти выскользнули из укрытия.

Вытаращив глаза, я выбросила вперед руки, скользнув вниз. Пальцами я отчаянно искала, за что уцепиться, и наконец опять схватилась за выступ у лобового стекла. Живот все еще упирался в капот, но ноги лишились опоры. Райан болтался на веревке. *Не смотри*. Как ни странно, высоты я никогда не боялась. Но вот смерти... Чтобы не смотреть вниз, я уставилась на свои руки. Только благодаря моим пальцам мы еще не упали.

Райан тряс веревку, раскачивая ее туда-сюда, металл врезался в пальцы все сильнее, а руки не хотели слушаться.

– Перестань! Райан! Не шевелись! – заорала я.

Он остановился, и я постаралась успокоить дыхание.

Закрыв глаза, сосредоточилась на мышцах кистей, рук, плеч.

Перечисли все, что с тобой не происходит. Поехали: *я еще не падаю, я еще не умерла*. Рискнув повернуть голову, я заметила слева нишу для колеса, потянувшись к ней ногой и наконец оперлась на шину. Я поставила туда ногу для опоры и подтянулась ближе, пока не достала второй ногой. Найдя опору, я принялась двигаться, скользя пальцами вдоль края пустого лобового стекла, пока не встала обеими ногами на шину, хотя из-за обвязки и свисавшего Райана каждое движение давалось тяжело и с болью. Я снова сунула локти в выступ у лобового стекла.

– Так, – позвала я. – Доберешься?

Он не ответил, но по рывкам веревки я поняла, что он подтягивается вверх, на руках, пока не оперся на машину. Наконец он встал на руль – его рука на моей спине, – прижимаясь одной щекой к капоту, а другой ко мне. Он тяжело дышал, широко раскрыв глаза, и мы таранились друг на друга в тишине, пока из ночной темноты вдруг не донесся голос пожарного:

– Бейкер! Ребята, вы как?

– Нормально! – ответил он.

Нам спустили еще один трос поверх машины, и Райан прицепил его к своей обвязке. Он обхватил меня обеими руками, а я обхватила его, и он крикнул: «Готово!» Я почувствовала, как он дрожит – от плеч до кончиков пальцев. Пока нас поднимали в безопасное место, он все время смотрел мне в глаза. Райана трясло сильнее, чем меня. Какой-то пожарный похлопал его по плечу:

– Молодец, пацан. Выдыхай.

– Келси, – сказал Райан, – можешь отпустить.

Мои руки крепко вцепились в его плечи, а сама я прижималась к нему изо всех сил, даже когда у нас под ногами наконец появилась твердая опора.

– Да, хорошо, – ответила я.

Его серые глаза смотрели прямо на меня, пока я приходила в себя. Он был одет как все остальные – просторные штаны на подтяжках и синяя футболка. Но на их фоне он казался ребенком, как будто это был просто костюм, и мне захотелось пригладить копну грязных русых волос, падавших ему на лоб.

– Класс, мы не погибли, – произнесла я вслух самую большую глупость на свете. Уголок его губ пополз вверх, а затем рот растянулся в настоящей улыбке.

– Да уж, – согласился он.

– Пойдем. – Женщина в форме показала на машину скорой помощи. – Надо тебя осмотреть.

Я огляделась: с обеих сторон дороги остановились машины, люди достали телефоны, полицейские пытались никого не пускать.

– Где вторая машина? – спросила я. – Все целы?

Женщина склонила голову, положила руку мне на спину и подтолкнула вперед.

– Второй машины не было, – сказала она.

Жар в салоне, вспышка света фар, я резко выкручиваю руль...

– Нет, была, – возразила я.

Она на секунду остановилась, внимательно вглядываясь мне в глаза и склонившись ко мне так близко, что я видела свое отражение у нее в зрачках.

– Не было, – четко произнесла она.

– Вы *уверены*?

Я подумала о высокой стене гор, об отвесных скалах.

– Мы уверены, – подтвердила она.

На ходу я услышала, как второй пожарный спрашивает Райана:

– Ты ее знаешь?

– Да, – ответил он. – Мы в одной группе по математике.

Короче. До того, как Райан стал учиться со мной в одной группе, мы вместе работали в «Хижине» на летних каникулах – вели журнал, регистрировали гостей, выдавали и принимали прокатное снаряжение. Со временем у нас появилась собственная система знаков: чтобы поменяться, один хлопал второго по плечу, специальное прощание и одновременный разворот, чтобы посмеяться над посетителем в лыжных штанах в середине июля. Когда начальник уходил домой, Райан всегда садился на барную стойку и болтал, расспрашивал меня и смеялся. За все лето не было ничего лучше – ради этих разговоров я каждый день радостно бежала на работу. А потом в конце лета, в последний день работы, он сказал:

– Слушай, может, сходим куда-нибудь?

«Да», – подумала я и вслух тоже сказала:

– Да. Давай.

Он расплылся в улыбке, и я услышала чей-то свист. Совсем рядом, около входа, стояли Лео, Эй-Джей и Марк.

Так как я была не уверена, на что только что согласилась, то сказала:

– Стой. А в каком смысле?

Райан взглянул через плечо на своих друзей, которые ждали его, и спросил:

– Какой смысл тебе больше нравится?

– Это вопрос с подвохом?

Было похоже на вопрос с подвохом.

– Нет. Э-э-э...

У него за спиной Лео произнес что-то неразборчивое.

– Слушай, – сказал Райан с непроницаемым лицом. – Смысл может быть какой угодно, его может вообще не быть.

– А... Ну ладно.

И он просто ушел. Не спросил у меня телефон, никуда не позвал. А когда через неделю началась школа и нас посадили рядом на математике, мы оба просто притворились, что этого разговора никогда не было. Возможно, тут были задействованы какие-то неизвестные мне

социальные обряды и брачно-ритуальные танцы, которые я не умела танцевать, или «может, сходим куда-нибудь» означало «встретимся после смены в туалете»?

Бряд ли под «сходить куда-нибудь» он имел в виду спуститься за мной по канату в нависшую над обрывом машину, вырезать меня из сиденья и едва не разбиться насмерть, чудом зацепившись за обвязку у меня на поясе.

Помнишь, мы как-то висели над обрывом? Классно было.

– Я просто хочу домой. Мне нужно к маме, – обратилась я к женщине, которая меня осматривала.

Если честно, она выглядела ненамного старше меня. Боже, куда подевались все взрослые?

– Келси, ты потеряла сознание. Нам нужно осмотреть тебя в больнице. Твоя мама может приехать туда.

– Не может. – Она *не могла*. – Мне надо ей позвонить. Мне нужен мой телефон.

Фары собравшихся на дороге машин светили так ярко, что я прищурилась, почувствовав, как у меня начинает болеть голова. Через стихийное скопление машин и спецтехники пробирался Райан, одна рука у него висела как-то неестественно – видимо, ему тоже нужен был медицинский осмотр. Он остановился, здоровой рукой протянул мне телефон.

– Прости, – сказал он. – Твой телефон аварию не пережил.

Я взяла телефон из его протянутой руки и набрала домашний номер, пока он переминался с ноги на ногу, делая вид, что не смотрит на меня. Только со второго раза я набрала нужный номер трясущимися руками, что он, конечно же, заметил. Через четыре гудка, как я и думала, искусственный голос автоответчика вежливо попросил меня оставить сообщение после сигнала. Я старалась говорить тихо.

– Мам, это я. Возьми трубку.

– Келси?

Даже через телефон я будто слышала, как напряженно работает ее мозг. *Дочь звонит с чужого телефона. Где опасность?*

– Мама, у меня все хорошо, но я попала в аварию, мне очень жаль, но меня сейчас повезут в больницу, чтобы убедиться, что я здорова. Но я тебе точно говорю, я в полном порядке.

Она глубоко вздохнула:

– Позвоню Джен.

– Нет, – запротестовала я. – Правда, у меня все нормально. Мне только нужно как-то добраться до дома. Я вызову такси, когда закончу. Ой, и я, кажется, потеряла телефон.

Я услышала, как она медленно выдохнула, мысленно увидела, как она закрывает глаза и делает дыхательные упражнения, представляет, что я жива, у меня все хорошо, и я дома.

– У тебя все нормально, – ответила она. – С тобой врачи. Ты скоро приедешь домой. Сначала хорошее, потом плохое.

– Прости, что разбила машину.

– Ничего страшного. Ты в порядке. Забудь про машину. – Пауза. – Но я все-таки позвоню Джен.

Я вернула Райану телефон, и фельдшер, слишком молодая для такой работы, проводила меня до дверей скорой помощи.

– Стой, подожди, – сказал Райан.

Я остановилась на металлической подножке, схватилась за ручку двери и посмотрела на него сверху вниз. Он выглядел так, будто хотел столько всего мне сказать. Я тоже о многом хотела ему сказать. Но с чего начать? Я даже не знала.

– Подвезти тебя домой?

– Я вызову такси. Номер службы такси был одним из первых номеров, которые я вызубрила в детстве.

– Но я все равно тоже еду в больницу. Так что...

Так что. У нас всегда были проблемы с коммуникацией.

– Хорошо. Если встретимся там...

Он кивнул:

– Я найду тебя, когда закончу.

Пока скорая помощь отъезжала, я видела через окно, как он разговаривает с другими пожарными. Но в голове застыло его лицо в момент, когда я дотянулась до него. Когда он понял, что мы сейчас упадем.

«*Не бойся*», – шепнул он, когда еще не знал, что я жива, что я в сознании. «*Все хорошо*», – сказал он, когда еще не знал, так ли это на самом деле. Я цеплялась за эти слова, пыталась поверить в них. Но, оглядываясь назад, спрашивала себя: а вдруг он разговаривал сам с собой?

Глава 4

В приемном отделении больницы Ковингтона на стенах были развешаны фотографии Зеленых гор Вермонта – видимо, чтобы успокоить пациентов. Если бы я только что не сорвалась с обрыва как раз одной из этих гор. Пейзажи чередовались с табличками с просьбой при плохом самочувствии надеть защитную маску.

Фельдшер настояла на том, чтобы завезти меня в больницу на кресле-коляске – такие правила, но, как только мы оказались в приемной, я тут же встала, несмотря на ее недовольство. Я оглядела помещение, полное незнакомцев. Все пялились на меня.

Слышались мерные сигналы приборов, треск громкоговорителя, детский плач. Все было незнакомо: узкие коридоры, звуки, резкий запах антисептика – всю дорогу по коридору я держалась поближе к фельдшеру. Я оглянулась посмотреть на двойные двери, через которые мы вошли. Там не было окон, не было выходов, только еще двери в другие коридоры. Из-за стеклянных панелей пробивалось флуоресцентное свечение. Лабиринт помещений, из которого я никогда не выберусь без посторонней помощи.

Райана нигде не было – может быть, его уже осматривал врач. Или он находился на другом этаже. Может быть, в этой толпе он никогда меня и не найдет. Фельдшер провела меня мимо кучки людей, которым явно нужно было надеть маску, полицейских у коридорных выходов к узкой кровати, окруженной синими шторками. С тех пор как меня вытащили из машины, меня непрерывно трясло.

– Наверное, остатки адреналина, – сказала она, увидев мои руки.

– Да, – ответила я, сжав пальцы. Да, остатки адреналина, а не ужас оттого, что я только что висела на руках над обрывом, – ужас, который сочился из всех пор, парализуя и вгоняя меня в панику.

«Это просто страх перед неизвестным», – сказала бы Джен. Я повторяла эту фразу весь прошлый год, когда мне пришлось пойти в школу, – маме настоятельно рекомендовали прекратить домашнее обучение. *Настоятельные рекомендации* мама воспринимала очень серьезно. Мои регулярные вылазки из дома были важнейшим условием Джен и службы опеки. Именно поэтому Джен нашла мне летнюю подработку.

Фельдшер неуклюже похлопала меня по плечу и ушла – шторку отодвинула женщина в голубой форме. *Я не застряла в машине. Я не падаю с обрыва. Мне не угрожает опасность.* Дрожь медленно отступила.

Доктор светила мне чем-то в глаза, просила следить за ее пальцем, потом меня допросил полицейский. У меня на голове не было шишек, я вроде бы не ударялась головой, тем не менее, пока в машину не залез Райан Бейкер, я была без сознания. Интересно, надолго ли я отключилась.

– Перед аварией ты говорила по телефону? – спросил полицейский.

– Телефон был в сумке. И телефон, и сумка свалились в пропасть.

Доктор пальцами ощупывала мой череп – приятные ощущения, в отличие от вопросов полицейского.

– Ты что-нибудь употребляла? – спросил он. – Кроме кофеина.

– Нет.

– Значит, ты просто устала? Уснула за рулем?

Конечно, я устала. Восемь часов у меня были уроки, а потом еще два часа я занималась химией с Лео Джонсоном. Но я часто слышала, как подобные вопросы задавали маме – она умела увиливать от прямых ответов, оставаясь посередине между правдой и ложью. Слишком многое стояло на кону.

– Да не то чтобы, – ответила я. – Я пила газировку, потому что в автомате она самая дешевая. Мне навстречу вылетела машина. *Поэтому* мне пришлось свернуть на обочину.

– Как выглядела эта машина?

Было темно. Я закрыла глаза, пытаюсь что-нибудь вспомнить. *Один взгляд. Жар в салоне. Вспышка света фар, я резко выкручиваю руль...*

– Я видела только фары.

Доктор мягко крутила мне голову – вперед-назад.

– Следов другой машины не обнаружено, – сказал полицейский.

Я закрыла глаза, пытаюсь воспроизвести картинку. Что, если свечение было отражением моих собственных фар от разделителя? Что я на самом деле видела? Момент длился всего долю секунды. Теперь, вернувшись в него, я засомневалась в собственной памяти.

– А вы смотрели на дне обрыва? – спросила я.

Он взглянул на меня так, будто я неудачно пошутила, но я говорила серьезно. Он кивнул доктору.

– У меня больше нет вопросов, Келси. Не могла бы ты оставить дату своего рождения, адрес и телефон, на случай, если у нас появятся еще вопросы.

– Хорошо. – Я взяла у него блокнот.

Выходя, полицейский раздвинул шторы, и я сразу увидела Райана, который стоял буквально в паре метров, облокотившись на стойку регистратуры. Я невольно улыбнулась, а он неловко махнул мне в ответ. Он был единственным, кого я там знала, и, увидев его, я неожиданно успокоилась и вспомнила наши вечера в «Хижине» до того неловкого разговора, когда он сидел на барной стойке и, улыбаясь, слушал меня.

Из-под рукава рубашки у него выглядывала повязка – интересно, это из-за спуска в машину или из-за падения? Доктора хлопали его по плечу, Райан весело с ними болтал – в форме он выглядел здесь совсем как свой.

– Кажется, тебя пришли проводить, – заметила доктор.

– Он подвезет меня до дома, – сказала я. И увидев, как она недоверчиво щурится, прибавила: – Мы вместе учимся.

Врач прощупала мне руки и спину. Я вздрогнула, когда она надавила на левую руку, и напряглась, когда дошла до локтей.

– Скорее всего, будут синяки, – сказала она.

Женщина быстро сканировала мое тело: взяла за руки, мягко разжала пальцы.

– Ой! – воскликнула она. Взглянула на меня и снова на руки. – Не помнишь, как это произошло?

Поперек пальцев красовался глубокий порез. Мне захотелось снова сжать их в кулак. Неизвестно, насколько действительно мы были близки к смерти.

– Нет, – ответила я. – Не знаю. – Маленькая ложь. Привычка.

Сжав губы, она обработала и перевязала мне руки.

– Тебя родители заберут? – спросила она. – Для выписки надо заполнить кое-какие документы. И нужен страховой полис.

– Нет, но...

Я осеклась: к стойке, на которую опирался Райан, подошли двое – парень и девушка. Парень назвал мое имя, а девушка блуждала глазами и наконец остановила взгляд на мне. Она толкнула брата в бок, и я вся сжалась внутри. Коул и Эмма. Дети Джен. Обоих можно назвать моими бывшими, в той или иной степени. Коул был не только сыном Джен, но и моим первым парнем, хотя ему тогда было пятнадцать, а мне четырнадцать, да и встречался он со мной, скорее всего, только потому, что это было запрещено. Или потому что я всегда была рядом.

Раньше Джен постоянно заставляла меня общаться со своими детьми – она сказала маме, что это необходимо для моего психического здоровья. Это был шаг. Безопасный шаг. Много

лет она таскала меня по детским праздникам и экскурсиям. Но когда мне исполнилось четырнадцать, я перестала быть девчонкой, с которой мама заставляла их общаться. Наверное, Джен не разрешала ему со мной встречаться.

Он сказал, что у меня красивые веснушки, я ответила, что они у меня с детства – разве он раньше их не замечал? Он пожал плечами. Поцеловал меня. Месяц спустя Джен обо всем узнала и потребовала, чтобы Коул прекратил наш роман, а когда я прямо спросила у него об этом, он пожал плечами, и так все и закончилось. Сначала я решила, что он трус, раз не стал с ней спорить. А потом поняла, что ему было просто *все равно*. Он пожал плечами. Конец. С тех пор я возненавидела парней, которые пожимают плечами.

По слухам, свою последнюю девушку он бросил через мессенджер, а предыдущей *вообще* забыл сказать, что с ней расстался. Так что, если честно, могло быть и хуже. Но, к сожалению, побочным эффектом нашего расставания стал разрыв с Эммой, моей лучшей подругой. Ее место так никто и не занял. Наверное, подругой я могла назвать свою соседку Аннику, но она приезжала домой только на каникулы.

Коул хотя бы недвусмысленно дал понять, что между нами все кончено. Хотя бы пожал плечами. А с Эммой мы скорее просто отдалились друг от друга. Мы не ссорились – она просто перестала отвечать на мои звонки. Наша дружба погасла, как искры от бенгальского огня. Когда понимаешь, что все горит, уже слишком поздно – ущерб необратим, искра потухла.

Она стала другим человеком – с новыми друзьями и новой компанией, – а я осталась позади, к моему несчастью, абсолютно такой же. Джен называла меня *незавершенным проектом*. Всегда незавершенным. Видимо, Джен устроила детям серьезный разговор о частной жизни, потому что, насколько мне было известно, они никому не рассказывали про мою маму. А в прошлом году, когда впервые в жизни я шла по школьному коридору, то вдруг встретила знакомые лица – они сразу меня узнали и быстро отвели глаза. Прошло три года, и мы как будто никогда не были знакомы. Но для меня они оба были как спящий вулкан. Глядя на них, я думала о себе, какой они знали меня в детстве или какой я была в статьях их матери. И это отражение мне не нравилось.

Первым заговорил Коул:

– Мама на учебе. А папа в командировке. Так что остались мы.

– Спасибо, – поблагодарила я.

Первый разговор за три года. Не так уж и страшно. Как оторвать пластырь. Но потом он пожал плечами. *Без проблем. Мне все равно. Между нами все кончено*. Выберите подходящий вариант. В руках Коул держал документ о согласии на медицинское вмешательство – его же использовала Джен для моего лечения. Без них меня бы не выписали. Потому что мне было семнадцать и я еще не могла решать сама за себя.

Эмме было шестнадцать, у нее были широко расставленные глаза и, по слухам, злобный характер. С тех пор как мы не виделись, Коул стал выше, оброс мышцами благодаря футболу и лакроссу и завел себе женский фан-клуб, из которого с тревожной регулярностью выбирал себе очередную подружку.

– А Райан Бейкер что тут делает? – спросила Эмма, как будто мы до сих пор дружили и не было миллиона моих звонков, на которые она просто не отвечала.

Услышав свое имя, Райан обернулся, и Эмма вдруг приняла позу для флирта – опора на бедро, голова набок – и спросила его:

– Как себя чувствуешь?

– Да пару швов наложили, – ответил он.

– Долго еще? – спросил Коул, стараясь не смотреть мне в глаза.

– Спасибо, что привезли документы. Но меня подкинут, – сказала я.

– Но мама сказала...

– Райан меня подбросит. – Такой я себе нравилась намного больше. Девушка, которую подвозят домой едва знакомые люди, которой не нужно надеяться на благосклонность бывших друзей. Находчивая. Сильная.

– Ладно, – кивнул Коул и сбросил документы мне на колени, как будто избавился от грандиозной обузы. – Знаешь, вообще-то у меня есть дела поважнее.

Интересно, чем занимался Коул до того, как Джен заставила его ехать в больницу? Как-то уж слишком агрессивно он разговаривал с девушкой, которую три года назад бросил, просто пожав плечами.

– Скажи спасибо своей маме, – проворчала я от обиды.

– Или твоей, – ответил он, обидев меня еще сильнее, потому что сказал правду.

Спящий вулкан. Они знали правду. *Я знаю, я знаю, я знаю, кто ты на самом деле.* А кто я? Обычно я пустое место. Одноклассница. Келси Томас? Пожатие плечами. Одна из многих, незаметное лицо из толпы. В основном я держусь неплохо. У меня не трясутся руки, я выгляжу уверенно, зачеркиваю дни в календаре – все они похожи друг на друга. Но иногда ни с того ни с сего я начинаю бояться, как она. Так сильно, что не могу пошевелиться. Иногда без какой-либо причины я просто лежу в кровати, как мама, в четырех стенах и полной тишине. Иногда страх так сильно парализует меня, что я притворяюсь физически больной, просто чтобы не надо было двигаться и можно было остаться в своей комнате, в безопасности. Знать, что всегда, *в любую* секунду все нормально. Я в безопасности. Но по сравнению с мамой это просто цветочки. Я дочь женщины, чьей жизнью управляет страх. Мы живем на грани.

И они об этом знают.

Оформив выписку, доктор выдала мне буклет о признаках внутричерепной травмы и ушла, а я сразу сняла бинты и быстро осмотрела себя в зеркале. Заметных признаков для чрезмерного маминого беспокойства нет. Я слезла с кровати и подошла к Райану, который рылся в вазе с леденцами. Проходящие мимо люди улыбались ему, как будто не могли сдержаться.

– Твои друзья? – спросил он. От леденцов его язык был неестественно красным.

– Нет, – ответила я. – Просто документы для больницы были у их мамы. Долго рассказывать.

– Она твой опекун?

– Не совсем...

Мы уже шли на парковку. Мне не хотелось говорить о Джен и пускаться в длинные объяснения.

– Но твоя мама больна, правильно?

Я напряглась, и он заметно испугался.

– Прости, я не то хотел сказать.

Видимо, ходили слухи, раз Райан что-то слышал.

– Да, больна.

Все верно, просто в другом смысле. У нее не было рака или какой-то смертельной болезни. Но она действительно была больна. Проще сказать, что у ее болезни физическая природа. Так понятнее.

Занятия с Джен были обязательным условием, чтобы я могла жить с мамой. Джен назначили государственные службы. Я стала зависеть от нее, но не доверять, потому что она докладывала обо всем другим людям, которые решали мою судьбу. Мама зависела от нее еще больше, а доверяла еще меньше. Особенно после того, как она написала обо мне статью. О моем страхе.

Там она ссылалась на исследование об эпигенетике и страхе. Ученые регулярно пугали мышей одним запахом – «запахом страха», а потом выяснили, что их потомство боится того же запаха. Мышей пугали запахом вишни. Не знаю, чем так страшна вишня, но, видимо, каждому свое. В общем, это исследование легло в основу ее статьи. Эволюция в действии. Дока-

зательство, что экспрессию гена можно менять. Страх передается из поколения в поколение, проникает в наши клетки, изменяет нашу ДНК.

Статья обсуждалась в профессиональных кругах. Уходят ли мои страхи корнями в детство? Я впитала их в младенчестве с молоком матери? Передалось ли мне ее напряжение? Впитала ли я ее физические реакции? Она вплела их в сказки, которые шептала мне на ночь в темноте? Или, по мнению Джен, мои страхи были привязаны к ее страхам на более глубоком уровне, вплоть до ДНК?

С другой стороны, я ведь не мышь. Но я помню, и Джен наверняка тоже, как однажды она привела нас с Эммой в салон красоты, в котором шла уборка дальних помещений, и от запаха чистящего средства я вся покрылась мурашками, и меня вырвало только что съеденным обедом на пол из дешевого линолеума. «Запах антисептика, – написала Джен в своей статье. – Острый, едкий».

Естественно, дома за закрытыми дверьми мама пришла в ярость от такого предательства. Но она сказала, что мы должны быть осторожными. *Осторожными*, потому что, хотя Джен и нарушила наше право на частную жизнь, мы слишком многое могли потерять.

Осторожность, извечная осторожность. Это слово, как эхо, всегда со мной, я всегда начеку. Мама много раз могла меня потерять.

Глава 5

У Райана был джип с тканевым верхом и снимающимися дверьми – летом, когда мы работали в «Хижине», я часто видела, как он снимал их в хорошую погоду. Мама назвала бы несколько причин, почему это опасно. Хотя, это моя машина лежала на дне обрыва, а не его.

– Где ты живешь? – спросил он, открывая дверь.

– Ты знаешь Стерлинг-Кросс? Это улица в конце...

– Да, – ответил он и закрыл дверь. – Я знаю, где это.

Его телефон лежал между нами, и когда мы выезжали с парковки, он зазвонил, но Райан не обратил на него внимания.

– Значит, – сказала я, – ты теперь пожарный? Не слишком ли ты молод для такой работы?

– Месяц назад мне исполнилось восемнадцать, но я всю жизнь хотел этим заниматься. Мой папа недавно вышел на пенсию. Дедушка тоже всю жизнь работал пожарным. Я практически вырос на станции. Теперь пришло время оформить все официально. – Он улыбнулся сам себе. – Гены.

Его телефон снова зазвонил.

– Почему ты не берешь трубку? – спросила я. Если бы я пропустила больше одного звонка от мамы, она бы впала в панику.

Он сжал руль и на долю секунды взглянул на меня.

– Я же за рулем. Хватит с меня на сегодня аварий, – ответил он.

Я мгновенно перенеслась в машину над обрывом, когда я была на волосок от смерти...

– Если что, я не говорила по телефону перед аварией, – заявила я и взяла его телефон, снова почувствовав на себе его взгляд. – Какая-то Холли спрашивает, идешь ли ты сегодня на вечеринку к Джулиану.

Он поерзал на сиденье:

– Гм.

– Она очень надеется, что ты придешь. Написала это *очень* большими буквами. Так что, думаю, все серьезно.

– Келси?

– Да?

– Ты как?

– Нормально, пара царапин. Это тебе досталось. – Я невольно уставилась на его повязку.

– Нет, я имею в виду, как ты *вообще*? – спросил он.

– А... – Я положила мобильник на место. – Не знаю.

Мы ехали по горному перевалу, и я сосредоточилась на полу, чтобы не смотреть на двойную сплошную, узкую обочину и черную ночь за обрывом.

– Спроси меня завтра.

– Запиши свой номер в мой телефон, и я спрошу тебя завтра.

– У меня больше нет телефона, – напредила я.

Он быстро тарабанил пальцами по рулю, и мне передалась его нервозность.

Келси, он спрашивает твой номер. Не тупи.

– Ну, когда будет новый, – сказал он.

То есть: ты живешь на Стерлинг-Кросс, ты можешь купить себе новый телефон. И я *действительно* его скоро куплю, потому что без него никто не выпустит меня из дома.

– Ладно. – Я добавила свой номер в его контакты, как он и просил.

– Куда?

Он завернул на улицу Стерлинг-Кросс, извилистый отрезок в несколько километров, после которого была развилка и каждая новая дорога вела к отдельно стоящему дому. В моем

районе было всего десять домов, в основном особняки, маскирующиеся под скромные лесные хижины. Когда я как-то указала на это Аннике, она назвала это горным шиком.

Но наш дом не следовал этой моде. Раньше, когда Джен заезжала за мной с Коулом и Эммой, они часто называли его Дом ужасов, и я сама стала смотреть на него их глазами. Чистый белый дом, похожий на коробку, – своими идеальными жесткими, как у цементных блоков, углами он немного напоминал завод. Образ завершали гладкие затемненные окна, а еще дом стоял на склоне, так что с дороги его почти не было видно. Изнутри он вовсе не казался страшным. Но высокий чугунный забор со шпильями, увитый плющом, не говоря уже об электроизгородях наверху, да и решетки на окнах – вот что и правда могло внушить ужас.

– Вот тут нормально, – сказала я у поворота к моему дому.

Райан рассмеялся:

– Ты как будто стесняешься, где живешь.

Он, конечно, решил, что мы богатые, но это было не так. Когда-то у мамы было много денег, но почти все она потратила на дом и обустройство – *наше* обустройство. Она работала бухгалтером из дома, и мы неплохо жили. Но мы поселились в этом районе не из-за престижа. Мы жили там потому, что дома на этой улице стояли далеко друг от друга и подъехать к дому можно было только по узкой дорожке с крутыми опасными скатами с обеих сторон. И никому не было до нас дела. Все занимались своими делами. Там было безопасно.

– Хорошо, – сказала я; на въезде было темно, только окна дома светились, потому что мама меня ждала. – Поверни тут, – попросила я.

Но вдруг перед домом зажглись большие фонари, и все стало видно. Именно этого я и боялась. Фонари осветили острые шпили ворот и крышу с крутыми треугольными скатами, которые было видно только издалека, отчего дом казался еще больше. Камеру над воротами и биометрический замок.

Райан смотрел то на меня, то на дом. Отстегнув ремень, он повернулся ко мне, не заглушая мотор.

– Ну, спасибо, что подвез. – Я подняла руку, чтобы помахать, но он вдруг прищурился, взял мою руку и уставился на ладонь. Точнее, на мои пальцы. Я сжала их, но он взял другую руку.

– Ого, – воскликнул он.

Вслед за ним я опустила глаза на глубокий порез посередине пальцев. Отпечаток металла. Который спас нас обоих. Он погладил пальцами кожу прямо под раной, и я задрожала. Руки опять затряслись, а в голове пронесся момент, когда локти потеряли опору, а пальцы хватались за все подряд, и я вырвала руки и снова сжала пальцы в кулаки.

– Увидимся на математике, – произнесла я дрожащим голосом.

– Келси, подожди...

Но я не могла ждать. Мне надо было домой, к маме. За ворота, за стены.

– Райан, спасибо, – еще раз поблагодарила я и вышла из машины.

Я подошла к воротам, чтобы открыть их отпечатком пальца, но заметила, что он все еще смотрит на меня. Я не хотела, чтобы он видел. Чтобы он *узнал*.

– Увидимся завтра! – крикнула я и опять помахала ему, и Райан сдался.

– Ладно, до завтра, – кивнул он.

Я подождала, пока он доедет до поворота, и только затем открыла ворота.

Мама стояла в прихожей у входа в гостиную между коридорами, которые вели в два крыла нашего одноэтажного дома. Она то и дело трогала себя за плечо через свободную рубашку – старая привычка, и она явно плакала. Едва я закрыла за собой дверь, она схватила меня и крепко обняла, а потом отпустила, придерживая вытянутыми руками.

– Слава богу! – Она быстро вдохнула, как будто хватая воздух. Затем снова притянула меня к себе. – Представь, как я удивилась, когда в новостях увидела машину собственной дочери над обрывом. Келси, боже мой.

Я почувствовала, как ее пальцы сжимают мою спину.

– Выглядит хуже, чем на самом деле, мам.

Медленно мама отпустила меня. Закрыв глаза, она качала головой, а ее длинные светлые волосы струились по плечам.

– Я так и знала, что мы поторопились. Зря я послушала Джен. Тебе еще рано водить.

«А тебе еще рано жить в заточении», – хотела сказать я. Мама была очень молода. На вид она годилась Джен в дочери.

– Мама, посмотри на меня. Все хорошо. Я ничего не сломала. У меня ничего не болит. Видишь? – Надо было уходить, пока она не начала подробно меня расспрашивать. – Мне просто надо в душ, – сказала я. – И поспать.

Я отдала ей документы из больницы, над которыми она, конечно же, просидит целый час, изучая выписку, читая в интернете про травмы головы, чтобы выпустить свой страх. Но сначала она не обратила на них внимания. Она пристально разглядывала меня, как бы разбирая на кусочки, а рукой опять стала тереть шрамы от ожогов у себя на плече. Я взяла ее за руку, чтобы остановить.

Свое похищение она совсем забыла – после побега в памяти остался только страх. Когда ей было семнадцать, ее похитили прямо из дома, в пригороде Атланты штата Джорджия, и больше года продержали неизвестно где, пока она оттуда не сбежала, ничего не запомнив о своем заключении. Целый год. Исчез.

Иногда я замечала, как странно она на меня смотрит, будто пытается разглядеть что-то. Разобрать меня на кусочки, понять, из чего я сделана. Никто ничего не знал о ее похитителе. Ну, почти. Кое-что нам было известно. Мы знали, что он, скорее всего, белый, у него карие глаза и рост выше среднего. Такой вывод можно было сделать, так как у мамы были голубые глаза, а у меня нет. И потому что я была бледнее ее, хотя много времени проводила на солнце на заднем дворе. И я уже была выше нее. Возможно, у него тоже были веснушки. Так что кое-что мы знали.

Наполовину я была ею, а если ее убрать, что останется?

– Не надо меня успокаивать, – сказала мама. Она закрыла рот рукой, тряхнула головой, притягивала меня к себе. – Не знаю, что бы я делала, – сказала она, долго-долго меня обнимая. – Машина упала. Там могла быть...

– Все обошлось, – сказала я и почувствовала ком в груди.

У себя в комнате в конце коридора напротив я постаралась успокоиться в своих четырех стенах в чистой постели. За окном виднелись горы, которые раньше защищали нас. Машина упала, мама была права, – она лежала в пропасти. Она упала в пропасть, и я могла бы быть там же, если бы Райан меня не вытащил.

Я стащила с себя одежду, встала под душ, прислонилась к стене и заплакала. Вспомнила умиротворение той пустоты. Тишину ума без мыслей, на отдыхе. Чужие слова, которым веришь, пока к тебе не вернется сознание. Пока мозг не начнет работать с двойной силой и не запустит этот порочный круг. Я покорилась своим страхам, потому что они были мне такими родными. Они вылезли наружу и стали ползать по моей коже, и мне ничего не оставалось, кроме как сдаться им и замереть. И вот теперь я думала только о падении и буду думать о нем всю ночь.

Возможно, такие у меня гены, и надежды преодолеть это не было, несмотря на все занятия с Джен. Возможно, я научилась этому у матери, как научилась у нее запереть двери, не выходить на улицу и постоянно заботиться о своей безопасности. Может быть, из-за нее мне

предстоит всю ночь не спать и смотреть на стену. В отличие от Райана, который наверняка отмечает свой геройский подвиг с друзьями, возможно даже с алкоголем, а Холли и другие девчонки липнут к нему, называют героем, он же им говорит, что это все пустяки, небольшой математический расчет, поработал мускулами, ничего такого.

А я таращусь на пустую стену, как на тьму за обрывом. Только я и мое дыхание, и я проигрываю снова и снова, как близко мы были... стоило лишь на секунду потерять концентрацию или разжать пальцы, и все. Свежий колючий след на коже пальцев. Мысль вертелась у меня в голове, не переставая, и без нее я чувствовала пустоту. Как близко мы были.

К концу.

Глава 6

На следующий день я не пошла в школу и осталась дома – не из-за мамы, просто утром не захотела вставать с постели, а она не пришла меня будить. Перед покупкой новой машины надо было дожидаться компенсации от страховой компании, а Джен тем временем обещала узнать, сможет ли меня возить в школу автобус, но при этом мы ни разу не обсудили мое возвращение в школу. Казалось, это наше общее решение, особенно учитывая, что без телефона мама не могла в любой момент узнать, где я нахожусь.

Интересно, достали ли мой телефон, сумку, брелок для ключей с фиолетовой застежкой, которую я крепила на ремень, чтобы не потерять. Или мои вещи лежали на дне обрыва, в машине, зажатые между расплавленным металлом и слутыми подушками безопасности. Не важно, спала я или бодрствовала, мне виделось одно и то же – бесконечное падение. Машина соскальзывает вниз, я не успела зацепиться и вот уже лечу вниз, рассекая воздух.

Совсем недавно на английском нам задавали прочитать рассказ о человеке, которого приговорили к повешению на мосту, но, когда он повис, веревка оборвалась, и он сбежал – упав в реку, уплыл от палачей, но как только добрался домой, то очнулся и почувствовал, как на его шее сжимается веревка. Чудесное спасение – всего лишь плод воображения. Может быть, мы тоже постоянно падаем к своей неизбежной гибели, как в замедленной съемке.

В полумраке комнаты я уставилась на пальцы, на красную полосу и опухшую кожу – доказательство, что все случилось на самом деле.

Я не упала. Я удержалась. Я добралась до дома.

Я лежала в кровати в своей комнате, слушая, как на кухне мама гремит кастрюлями и сковородками, что, по мнению Джен, тоже помогало справиться со стрессом. Мне этот способ нравился меньше всего. Мама готовила сразу на восьмерых, и это варево приходилось есть всю неделю – она извинялась, потому что вкус был просто омерзительный, однако мы все равно это ели. Но готовка действительно ее успокаивала – концентрация на простых задачах занимала руки и голову. Когда способ срабатывал и мама наконец отделялась от навязчивых мыслей, она сдавалась и разрешала мне заказать пиццу или китайскую еду. Но не в этот раз.

Два дня она звала меня к столу – еда хрустела там, где должна быть мягкой, и была сырой там, где должна хрустеть, так что я быстро сматывалась обратно к себе в комнату. Мама не спорила. Если бы я зашла к ней в кабинет, то на рабочем столе ее компьютера наверняка увидела бы фотографии с места аварии. Или что-нибудь похуже.

У нее была вредная привычка читать все статьи про похищения, пропавших детей и насилие. Даже до похищения у мамы была трудная жизнь. Наверное, ей проще было видеть только плохое. Джен я об этом не рассказывала. Я не знала, становится ли маме хуже, когда она узнавала обо всех ужасах за пределами дома, или, наоборот, это ей помогало. Напоминало ей, что она спаслась, а многим это не удалось.

Я снова посмотрела на свои пальцы. Я жива. И он жив.

Когда в субботу мама постучала в дверь моей комнаты, я сначала подумала, что еще утро, но оказалось, уже час дня:

– Джен приехала, – сообщила мама. То есть: «Вылезай из кровати. Выгляди живой».

Джен почти никогда не приезжала по выходным. Ее муж работал консультантом и всю неделю был в разъездах, поэтому выходные они старались проводить вместе. Если Джен приехала в выходной день, значит, что-то случилось.

Последние дни слились в один: минимум полтора дня я не вылезала из пижамы. Я открыла окна, чтобы проветрить комнату, оставив закрытой внешнюю решетку. У меня был

ключ, и я могла ее отпереть, например в случае пожара, но прямо сейчас мне хотелось, чтобы решетки были закрыты. Потом умылась и переоделась.

Темные с сединой волосы Джен были подстрижены старомодным каре. Несмотря на выходной, на ней был деловой наряд – брюки и блузка:

– Келси, дорогая, – воскликнула она, когда я вышла из комнаты.

Немытые волосы я собрала в пучок, темные круги под глазами замазала тональным кремом, а за улыбкой скрыла, что буквально недавно была на волосок от смерти – одна секунда, мышечный спазм, и меня уже нет.

– Здравствуйте, – сказала я и взяла коробку, которую она мне протянула.

Это был новый телефон, который, видимо, доставили еще вчера – надеюсь, Джен не заметила дату на упаковке.

– О, уже доставили! – Я изобразила радость.

– Номер тот же, – объяснила мама. – Надо просто настроить.

– Келси, – обратилась ко мне Джен, усаживаясь, как обычно, в двухместное кресло напротив дивана в гостиной. – Пожалуйста, присядь. Поговорим.

За креслом стояла открытая коробка с вещами, которые достали из моей машины. Грязный рюкзак с биркой, сумка с оторванной ляжкой, красный зонтик, который раньше валялся на заднем сиденье – спицы неестественно выгнуты, а ручка то ли расплавилась, то ли раскололась. От вещей пахло чем-то химическим – может быть, бензином. Я сжала губы, почувствовав едкий запах, – интересно, заметила ли его мама? Но она смотрела куда-то вдаль через большие окна гостиной, склонив голову набок. Я проследила за ее взглядом и увидела, что на стене у забора сидит и болтает ногами девушка. Чудесное спасение.

– Анника пришла, – сказала я и добавила: – Я как раз собиралась уходить.

Мама подняла брови, но не проронила ни слова. Джен повернулась в кресле, покосившись:

– Как ты разглядела ее с такого расстояния?

Аннику легко было узнать даже издали: ее волосы превышали стандартный объем процентов на триста, она всегда подбирала яркую одежду и отличалась неспособностью сидеть спокойно. Кроме того, она всегда ждала меня на этом месте. Ближе к дому она никогда не подходила.

Каменная стена была нашей первой линией обороны, хотя она скорее отпугивала, чем защищала. Возле стены находилась открытая площадка, где я парковала машину. За ней начинался железный забор со скрытым электрическим кабелем наверху и запертыми воротами на задний двор. Еще одни ворота перед домом. Забор и стена окружали двор. У ворот слева стояла будка с дверью и окном – видимо, на тот случай, если бы мы наняли охранника.

Но между забором и внешней стеной росла густая, непослушная дикая трава, ползущая вверх по каменной стене.

– Рассадник змей, – жаловалась Анника, и я не могла не согласиться.

Она никогда не подходила ближе. На ее стороне трава была скошена, а на благоустроенном участке красовались аккуратные цветочные кусты и пруд с всегда работающим фонтаном.

– Это она, – сказала я, еще раз взглянув на коробку в ногах у Джен. – Мне надо идти. Поговорим позже? – Навсегда избавиться от Джен я не могла. Всему есть границы.

– Хорошо, – согласилась она. – Слушай, я звонила в школу. Сейчас уже поздно добавлять новую остановку в маршрут автобуса, так что Коул и Эмма будут заезжать за тобой по утрам. Хотя бы пока не решится вопрос с машиной.

Ставлю себе в заслугу, что я сохранила лицо и никак не выдала, что на самом деле думаю про эту новость.

– Просто замечательно, – воскликнула я, потому что самым полезным навыком, который я унаследовала или получила от мамы, было умение врать.

Анника, как маленькая, болтала ногами, стуча подошвами по стене. На ней были серые колготки, черные туфли на ремешке и фиолетовая юбка, совсем короткая – хорошо, что колготки были плотные.

– Я тебе весь день звоню, – сказала она, как только я подошла.

– Прости, я потеряла телефон. – Я прислонилась к стене рядом с ней.

– А я уж начала волноваться, – заметила она, придвигаясь поближе, разглядывая меня с ног до головы. При виде моего пучка на голове Анника поморщилась. – Я все знаю.

Визг металла, порыв воздуха, вонь горящей резины, скрип ногтей по металлу... Я прижалась ладонями к каменной стене в поисках опоры. *Ты выжила. Ты здесь.*

Она постукивала пальцами рядом с собой, пока я поднималась к ней по углублениям в стене. Мне всегда казалось, что Анника прилетела с другой планеты. Она неизменно носила несочетаемые вещи: цветные колготки и юбку в клетку, колготки в клетку и цветастую юбку, спортивную футболку и тонну украшений, которые звенели при ходьбе. Длинные волнистые волосы она прихватывала лентами или повязывала шарфом или банданой. А еще у нее был какой-то непонятный акцент, не совсем европейский, но обдуманый и притягательный. «Это потому, что я много путешествую», – как-то объяснила она мне. В детстве она год училась во Франции, еще год в Англии, пока ее мама не развелась с дипломатом и не переехала сюда с Анникой и ее старшим братом, который сейчас уехал в университет.

– Поверить не могу, – сказала она, когда я залезла на стену и уселась рядом с ней, – что про аварию я узнала от мамы. Нормальные люди сообщают своим друзьям, что они совсем недавно чуть не погибли.

Анника посмотрела на меня так, как, должно быть, и я смотрела на нее: что-то среднее между растерянностью и заворуженностью. Возможно, поэтому мы и дружили, несмотря на долгие перерывы, расстояние и разницу характеров. Она была иностранка, интересная, ее невозможно было привязать к какому-то месту, как и ее акцент. И я для нее была такой же. Наши миры были настолько далеки друг от друга, что, описав круг, снова встретились.

– Да не было ничего такого, – сказала я.

Я почувствовала ее взгляд: интересно, видно ли по мне, что я вру? Интересно, что нормальные люди говорят или не говорят своим друзьям в такой ситуации?

– Просто я попала в аварию. И мне не очень хотелось про это вспоминать.

– В газетах пишут по-другому, – заявила она, и уголки ее губ опустились. Из-за ярко-розового блеска для губ трудно было воспринимать ее слишком серьезно.

– Газеты?

– Ага, – кивнула она, повернулась и положила руки на камень между нами, выставляя напоказ ярко-голубые ногти. – Согласно официальным источникам, – начала она делано официальным голосом, – Келси Томас была чудесным образом спасена из падающей машины благодаря своему однокласснику и волонтеру-пожарному Райану Какому-то: авария не причинила девушке ни единой царапины. – Она взяла мои ладони и стала выводить на них круги пальцами, теплыми в осенней прохладе. – Я видела фото твоей машины после падения. Зрелище не для слабонервных, Келси. – Она замолчала, а я живо представила, как летит в пропасть моя машина. И как я цепляюсь за край. – Так что не говори мне, что ничего такого не было. Вчера сюда приезжали журналисты, чтобы разнюхать, в каком ты состоянии. Везде свой нос засунут.

– Да уж... – Я опустила плечи и сгорбилась.

Мое имя. В новостях. Мама слетит с катушек. Она серьезно относилась к защите частной жизни – настолько серьезно, что во всей школе я, вероятно, была единственной, у кого не было страницы ни в одной соц-сети. Даже электронную почту я завела только потому, что по правилам школы туда присылали домашние задания. Она никогда бы не купила мне телефон, если бы к нему не прилагался GPS.

– Я думала, публикация имени незаконна. Я же несовершеннолетняя.

– Видимо, законна, – фыркнула Анника. – Или кому-то забыли об этом сказать. Я решила не рассказывать маме об этом, для ее же спокойствия.

– Ты надолго домой? – спросила я, чтобы сменить тему.

– Осенние каникулы. Всего на неделю.

Школа-интернат, в которой училась Анника, работала по нетрадиционному расписанию, которое не соответствовало обычным школьным каникулам, и я никак не могла запомнить, когда она приезжала домой.

– Я писала тебе вчера на почту, потому что не смогла дозвониться.

– Ой, прости, – вздохнула я.

Я не заходила к маме в кабинете, чтобы проверить почту на ее компьютере. Обычно я пользовалась почтой у себя на телефоне, к тому же за эти два дня я и не вспомнила про уроки. Если я и выходила из комнаты, то на автопилоте, на кухню и обратно, пока страх, что Джен увидит меня в таком виде, не вывел меня из ступора.

– Я тебе даже на домашний звонила. Занято. Целый день.

– Правда?

– Да. Последний раз звонила прямо перед выходом.

– Надо же. Я проверю телефон. Может, трубка с рычага слетела. Вообще-то после аварии я не слышала, чтобы он звонил.

– Слушай, приходи завтра ко мне. Сегодня я должна проводить время с семьей, потому что Бретт приехал на выходные, но завтра вечером он с кем-то встречается, так что я, скорее всего, буду свободна.

– Не смогу прийти, – замотала я головой. – Может быть, на следующей неделе, но... не сейчас.

Я из дома-то выйти не могла три дня. С трудом сохраняла спокойствие на этом, как мама называла его, слишком необъятном просторе. Я только и думала, что о том, сколько плохого может случиться, стоит мне отойти от дома.

– Ладно. Ну, в другой раз, – согласилась Анника.

Еще одна причина, почему мы дружили. Мы не задавали слишком много вопросов. Я никогда не спрашивала ее, почему она так часто меняет школы, а она никогда не спрашивала, почему я живу за забором, решетками и проводами с током.

Я спустилась со стены, на свой двор, ближе к дому, невидимому якорю, где безопасно и предсказуемо. Анника уставилась вниз на траву, зажмурила глаза и прыгнула за мной.

– Слушай, – сказала она, положив руку мне на плечо, – но ты нормально вообще?

Знала ли она про мою маму и о чем она догадывалась? Что-то ей точно было известно. Она видела, что я живу как на поводке, мне многого нельзя, и я никогда не приглашала ее к себе домой.

– Да, – ответила я. – Все нормально.

Тьма над обрывом, я хватаюсь пальцами... Я вдруг почувствовала синяк на плече, ушибы на локтях и порезы на ладонях. Анника вздрогнула и зашагала, высоко поднимая ноги, будто в траве действительно кишели змеи. Я разжала ладони, почувствовав острое желание показать ей свою рану, – вдруг она поймет?

– Анника? – послышался женский голос с другой стороны стены.

Анника закатила глаза:

– Надо бежать. – Но, прежде чем перелезть на свою сторону, она притянула меня к себе и крепко прижала, щекоча мне шею лентами в волосах. – Я рада, что у тебя все хорошо, милая Келси. – Она изобразила поцелуй в щеку, только у нее получалось так, что это не выглядело отстойно, и полезла на свою сторону по углублениям в стене.

Глава 7

Вернувшись, я увидела, что дверь в мамин кабинет закрыта, а машина Джен все еще у ворот. Наверное, шла официальная консультация. Коробка с моими вещами из машины все еще стояла на полу в гостиной. Я обошла ее и подняла телефонную трубку, которая висела рядом с телефоном. Вернув трубку на место, я снова сняла ее, услышала щелчок, а за ним непрерывный гудок. Теперь телефон точно работал.

Как только я положила трубку, тишину гостиной тут же нарушил пронзительный звонок. После второго звонка на экране высветился номер телефона. Номер местный, но незнакомый. И тут я вспомнила, что у меня нет мобильного, а домой я звонила с телефона Райана, и с не свойственной мне иррациональной надеждой подумала, а вдруг это Райан звонит, как обещал, узнать, как у меня дела. Я поднесла телефон к уху:

– Алло?

Но в трубке зазвучал женский голос:

– Это Келси Томас?

– Да, – ответила я и переложила телефон к другому уху, сверля глазами закрытую дверь кабинета.

– Меня зовут Мойра Литтл, и я хотела бы получить у вас комментарий для статьи в газету «Ковингтон-Сити».

– Э-э-э... – проямлила я, – без комментариев. – Ведь так же говорят? Теперь эти слова напечатают в газете? «Райан Бейкер, герой, спасает Келси Томас, у которой нет комментариев». – Слушайте, – сказала я как можно тише, – просто мне нельзя.

– Разговаривать с журналистами?

И это тоже.

– Да. – «Райан Бейкер, герой, спасает Келси Томас, которой нельзя разговаривать с журналистами». – Нет, – исправилась я. – То есть... я просто рада, что осталась жива.

Тишина, а затем:

– В полицейском отчете и школьном досье почему-то разные данные. Дата вашего рождения – седьмое сентября или седьмое ноября?

Вопрос нетрудный – мне исполнилось семнадцать в прошлом месяце, сентябре, и, наверное, она просто хотела уточнить мой возраст. Но мама научила меня защищать любую личную информацию. В голове пронесся ее голос: «Осторожно». Так что я дала нейтральный ответ, который, по идее, можно было использовать как угодно.

– Мне семнадцать, – пробормотала я.

– Увидимся в понедельник?

– Э-э-э... – растерялась я. Она спрашивает, пойду ли я в школу? Или к ним в редакцию? Я будто пропустила половину разговора. – Может быть... – Самый безопасный ответ. – Ну, до свидания.

Мне пришло в голову, что, возможно, мама специально сняла трубку с рычага.

Я пошла к себе в комнату и начала собирать новый телефон. Как только я вставила сим-карту, он начал звенеть от кучи сообщений, которые не могли дойти последние несколько дней. Сначала от Анники: «Ты где? Я знаю про аварию! Я дома. Куколка, позвони мне» – и значок голосового сообщения. Дальше шли несколько сообщений с неизвестного номера, и, читая их, я невольно расплылась в улыбке.

«Привет, это Райан. Ты как?» «Не видел тебя в школе. Как дела?» «Все хорошо?» «Хм, ладно, не любишь чатиться? Позвони, как будет время». «Так, я только что понял, что ты,

наверное, еще не купила новый телефон». «А я веду себя как маньяк. Блин, как жаль, что я не могу удалить все, что понаписал». «Пожалуйста, ответь хоть что-нибудь».

Из гостиной донеслись голоса мамы и Джен – видимо, консультация окончена. Надеюсь, Джен не заметила, что я уже вернулась от Анники.

«Привет, – написала я. – Телефон куплен». Он ответил почти сразу: «Давай сделаем вид, что половины моих сообщений ты не видела? Странные были дни...» – «Договорились».

Телефон в руке зазвонил, и когда я увидела номер, сердце ушло прямо в пятки – это был Райан. Я быстро нажала «ответить», чтобы никто не услышал звонок.

– Привет, – сказала я как можно тише.

Но получился голос с таким придыханием, как будто я пыталась его соблазнить. Я прокашлялась. Рухнула на кровать. Умерла.

– Привет, – сказал он. – Ну... Так как ты?

– Да нормально. Наверное. – Лежа на кровати, я разглядывала потолок, который мама раскрасила как голубое небо с белыми облаками, когда я была маленькая.

– Ты в школу собираешься? – спросил он.

– Да. В понедельник. Я что-нибудь пропустила?

– Ты шутишь? Келси Томас, вы шутить изволите? Не знал, что у тебя настолько мощное чувство юмора.

– А, да. На математике без меня, наверное, ужасно скучно. – Я положила руку на глаза, расплывшись в неприлично глупой улыбке. Но в этом и прелесть разговоров по телефону – можно сколько угодно глупо улыбаться и не краснеть за себя.

Райан почему-то промолчал, и я приподнялась на логтях, забеспокоившись, что сказала что-то не то. Со мной такое часто бывало.

– Ну, – сказал он, – так чем ты занималась, пока прогуливала школу?

– Да ничем, – ответила я. – Стыдно признаться.

Райан опять ничего не ответил. *Скажи что-нибудь, Келси.*

– Мне все время снится авария, – сказала я и зажмурила глаза. Недостаток телефонного разговора: можно сморозить глупость, которую нельзя будет удалить.

Я думала, Райан скажет что-нибудь вроде «Ой, мама зовет, надо бежать», но вместо этого услышала:

– Мне тоже.

Я села, сжимая на коленях подушку:

– Я все время думаю о том рассказе, который мы читали на литературе, про человека, которого собираются повесить, а ему мерещится, как он спасся, переплыл реку и добрался до своих, а на самом деле его повесили, и все это время он падал, как в замедленной съемке, на пути к собственной смерти.

Боже мой, остановите меня. Райан Бейкер молчал и, по всей видимости, обдумывал, зачем он вообще мне позвонил.

– Значит... думаешь, мы падаем? Прямо сейчас?

– Нет. – Боже, вот почему мне нельзя флиртовать. – Я просто все время об этом думаю.

Но интересно, чувствует ли он шквал ветра с гор через стекло – как будто мы до сих пор там, падаем.

– Я не могу спать, – признался он. – Сначала я решил, что это от адреналина, но теперь уже не знаю. Как только я закрываю глаза, я боюсь, что они больше никогда не откроются. – Он замолчал. – Такие дела.

Я поерзала и снова легла на спину.

– Умора, – сказала я.

Райан засмеялся.

– А ты и правда смешная, – заметил он.

– Значит... – начала я.

– Значит... У тебя все как бы нормально, но как бы и нет, и у меня все точно так же. А в выходные я работаю. Ну, увидимся в понедельник?

– Да, – ответила я. – На математике.

Когда я положила трубку, его голос все еще звенел у меня в голове.

В воскресенье утром я проснулась от непонятного звука и не сразу поняла, что это вибрирует телефон на столике у кровати. Я потерла глаза, пытаясь сосредоточиться, и открыла сообщение от Райана. Там была фотография пожарной станции – красное кирпичное здание, как в мультике, – и подпись: «Ближайшие 14 часов живу тут». Я ответила: «Весело, наверное».

Когда я вышла из душа, меня ждало новое сообщение. Фото пола в туалете с ведром и шваброй и подпись: «Да не очень. Вот чем я тут занимаюсь почти все время. Прости, если разрушил красивую иллюзию». Я подошла к окну, поместила телефон между решеток и сфотографировала горы. Отправила фото Райану и подписала: «Иллюзия: спокойствие и умиротворение. Для тех, кто не падал с горы на машине». Через несколько минут он прислал фотографию защитного костюма пожарных, который висел на крючке. «Иллюзия: ты неуязвим».

Когда мама позвала меня обедать и я увидела на тарелке комковатую еду, приготовленную несколько дней назад, я тайком сделала фотографию, прежде чем сесть за стол: «Иллюзия: можно есть».

У мамы под глазами были темные круги – она явно не спала. Но она вышла из своей комнаты, готовила еду и даже ухмыльнулась, увидев, как я прячу телефон под стол.

– Ты сегодня от него не отлипаешь, – сказала она. И изобразила легкую улыбку, как будто все знает.

Выбирая из двух зол – рассказать маме, с кем я переписываюсь, или поесть, – я приняла мученическое решение, впишу в рот какую-то размазю и делано похлопала себя по животу.

– Ты мне ничего не хочешь сказать? – спросила она, мешая еду на тарелке.

– Очень вкусно, – ответила я, пытаясь прожевать.

Она вздохнула:

– А я надеялась, что мы с тобой не такие, как другие мамы и дочери.

– Не переживай. Мы не такие, – сказала я, запивая комок целым стаканом воды.

Она поморщилась, но ничего не сказала. Я вспомнила, что она выросла без матери, с отцом, которого лучше бы не было. Вспомнила все, что с ней случилось после того происшествия, и о том, что она справлялась как могла.

– Мам, да я шучу.

– Ага, – кивнула она, ковыряясь в тарелке.

После обеда Райан прислал еще одну фотографию: несколько мужчин на кухне у плиты. Похоже, они что-то готовили. Подпись: «Еще неизвестно, у кого обед хуже».

– Келси? – позвала мама из кабинета. – Я заказываю продукты. Тебе что-нибудь нужно?

Я подошла к компьютеру, посмотрела список, который она составила на сайте, и сказала:

– Да, шампунь.

– Я же тебе недавно шампунь покупала, – удивилась она.

– Он ужасный. Он даже не моет. – У мамы были идеальные гладкие волосы, красивые без укладки. А у меня нет. – Мне нужен тот, которым я мылась раньше.

Она вздохнула, но добавила шампунь. Доставку заказала на вторник после обеда, значит, я уже вернусь из школы и сама его заберу. В этом кабинете мама проводила почти все время: работала или сидела в интернете. В компьютере сосредоточилась вся ее жизнь. По углам комнаты висели мониторы видеонаблюдения, а на стенах – наши с ней фотографии, как новые, так и сделанные, когда я еще была младенцем. Возле двери по-прежнему – сколько себя помню – висит в раме мой первый рисунок, дурацкая мазня пальцами.

Я переминалась с ноги на ногу.

– От страховой компании есть новости? – спросила я.

Мама на секунду подняла на меня глаза, но тут же опустила обратно, будто загипнотизированная ярким экраном компьютера.

– Нет, – ответила она.

Я стала искать коробку с вещами из машины, чтобы сфотографировать ее для Райана, – он наверняка и без подписи поймет, что я сейчас чувствую, – но не нашла. Наверное, мама куда-нибудь убрала или выбросила. Я быстро пошла обратно к себе, размышляя над следующим фото, но меня уже ждало новое сообщение от него: «Это девушка Райана???» Оно пришло больше двадцати минут назад.

Когда я взяла телефон, он снова завибрировал: «Прости. Работаю с придурками. Мне пора». Непозволительно долго я раздумывала, как ответить, и в итоге написала: «До завтра». Литературный шедевр.

Тем вечером Райан больше не писал, и я никак не могла заснуть, все время вскакивая от воображаемой вибрации. Где-то в полночь я опять проверила телефон, но там ничего не было. *Келси, ты безнадежна.* Я перевернулась на другой бок и подтянула простыню к подбородку, как вдруг услышала крик. Я резко вскочила в кровати, на цыпочках вышла в темный коридор и нащупала выключатель.

Проверила дисплей сигнализации рядом с входом – красная лампочка горит, дом в полной готовности.

– Мама? – прошептала я.

И тут из ее комнаты донесся свистящий хрип, как будто она хватается воздух. Стон «нет», и вот я бегу. Ноги скользят по холодной плитке. Ее дверь была закрыта, как обычно. Затаив дыхание, я повернула ручку. Дверь скрипнула, когда я ее толкнула, мама выпрямилась в постели, тяжело дыша. Ее глаза привыкали к свету из коридора.

– Мне показалось, ты кричала... – сказала я.

Она блуждала глазами вокруг, как будто что-то искала. Как будто по стенам, мебели и по ней ползают пауки. Это единственное, что я знала про ее кошмары. «Пауки,ними их!» – прошептала она как-то в полусне, и я стала ее будить.

Я рассказала об этом Джен, когда она только появилась в нашей жизни. Рассказала, что мама боится пауков. Видимо, Джен передала это маме, потому что, когда Джен ушла, мама схватила меня за руку, стала трясти и спрашивать, с чего я это взяла.

– Ты сама сказала, во сне, – ответила я, и она меня отпустила. Больше я об этом ничего не спрашивала.

Зато мне тоже стали сниться пауки. Как они разбегаются из углов комнаты. Заползают на ее бледное худое тело с ожогами на спине, свернувшееся калачиком в каком-то холодном подвале. Я и сама их чувствовала – как они крадутся под одеялом вместе с моими страхами.

– Мама? Все нормально? – спросила я и сделала шаг в ее комнату.

Она потрогала плечо, посмотрела на часы со светящимися красными цифрами, затем опять на меня, будто пыталась сориентироваться.

– Иди спать, Келси, – сказала она.

Вздвигнув, я закрыла дверь. По рукам и ногам забегали мурашки, а в нос ударил смутный запах смоченного бензином железа – давнее воспоминание.

Глава 8

К завтраку мама не вышла. «Ну, бывает», – подумала я и открыла шторы, запуская солнечный свет, показавшийся из-за гор. Рано беспокоиться. Может быть, она просто высыпается после ночного кошмара. Или разговаривает с Джен по телефону.

Я стала медленно собирать прошлогодний рюкзак, который достала из кладовки. Посмотрела на часы. Почистила банан. Захлопала дверцами шкафов. Дверь ее спальни скрипнула, у меня отлегло от сердца – когда мама вошла, я стояла спиной, чтобы она не прочла облегчение на моем лице.

– Привет, – сказала я с бананом в руке. – Последний. Поделимся?

– Нет, нет, ешь сама, – ответила она и запустила кофемашину.

Я глянула через плечо и увидела ее в халате с невымытыми волосами и трясущимися руками, тянущимися за кружкой. Видимо, она заметила, что я смотрю, потому что пожаловалась:

– Кажется, я заболеваю.

Я кивнула, пропуская мимо ушей эту ложь. По крайней мере она проснулась, включила кофемашину и начала мыть кастрюлю, которая отмокала в раковине со вчера. Все в порядке. Это не шаг назад. Не нужно звонить Джен.

– Ну, – сказала я, – позвоню тебе после школы, когда узнаю, во сколько Коул и Эмма поедут обратно.

Я не знала, есть ли у них что-то после уроков, и поговорила ли с ними Джен. Подумаю об этом позже.

– Что? – спросила она, отрываясь от посудомоечной машины. – А, да. Хорошо.

– Хорошо. Ладно. – Я обняла ее на прощание и почувствовала выступающие косточки позвоночника под халатом.

Когда я обувалась, она уставилась в окно куда-то очень далеко. Я положила телефон в рюкзак.

– Это мальчик, его зовут Райан, – сказала я, и мама повернулась ко мне. – Я с ним вчера переписывалась.

– Ах, вот как. Райан, – улыбнулась она.

– Пока, мам, – попрощалась я и улыбнулась в ответ.

Я услышала мотор машины на въезде. Увидела их через ворота, через лобовое стекло. Похоже, они ссорились. Вероятно, спорили, кто будет звонить в ворота. Судя по всему, Эмма проигрывала, так как она вдруг резко открыла пассажирскую дверь.

– Я побежала! – крикнула я и ввела код, чтобы на минуту отключить сигнализацию.

Послышался гудок, я нажала кнопку на двери, чтобы открыть ворота, и сразу закрыла ее за собой (все по правилам). Ворота автоматически закроются за мной через тридцать секунд, если не ввести код или не приложить палец, чтобы они остались открытыми, или, наоборот, не нажать кнопку в доме, чтобы закрыть их еще быстрее.

Я пробежала через открывшийся проход и кивком поздоровалась с Эммой.

– Смотрю, ничего не изменилось, – заметила Эмма, увидев закрывающиеся за мной чугунные ворота.

Но вообще-то изменилось все – начиная с незнакомой черной машины с музыкой на всю катушку и заканчивая ее немигающим взглядом. Эмма сильно изменилась: чем старше она становилась, тем дальше уходила от той девочки, с которой я когда-то дружила, играла в догонялки на заднем дворе и делала украшения из фантиков.

– Мы опаздываем, – бросил Коул, так и не поворачиваясь ко мне.

– Нет, не опаздываем, – возразила я.

Каждое утро я выходила из дома в одно и то же время, а от дома Джен до меня было максимум пятнадцать минут. Но Стерлинг-Кросс всем казалась дальше, чем на самом деле. Несмотря на название, на улице не было перекрестков. Она врезалась в горы, насколько это позволял ландшафт, пытаясь отвоевать у природы побольше земли, но в основном проигрывая борьбу. Это нельзя было назвать домами с видом на горы. Это были горы и лес, где местами виднелись какие-то домишки. Наверное, остальным наша улица казалась другим миром.

Эмма приглушила музыку.

– Ну что, Келси, – начала она, будто смакуя мое имя. Как будто вспоминала, как оно звучит. – Что мама сказала про статью? – спросила она, пока мы выезжали с нашей улицы.

– Какую статью? – удивилась я.

Я поймала взгляд Эммы в зеркале заднего вида, до того как она просунула мне газету между сиденьями.

Воскресная газета. «Школьника представят к награде за отвагу». В статье были фото меня и Райана из школьного альбома с характерными фальшивыми улыбками. В ней подробно описывалась авария. Восемнадцатилетний пожарный-волонтер Райан Бейкер вытащил свою одноклассницу Келси Томас из машины, зацепившейся за дерево, на горе, известной как утес Бенджамина. В понедельник вечером состоится церемония, на которой мэр вручит Райану медаль за отвагу. Приходите поддержать ребят! Цитата Райана: «Я просто действовал по инструкции». А рядом моя абсолютно ужасная недоцитата. «Я просто рада, что осталась жива», – говорит Келси Томас.

Какой ужас! Статья заканчивалась общей информацией о нашей жизни: «Райан, сын пожарного на пенсии, живет в Пайн-Вью со своими родителями Джереми и Кэйти Бейкер и младшим братом. Келси живет на улице Стерлинг-Кросс со своей матерью Амандой Сильвиано». Я застонала и закрыла лицо газетой, мечтая провалиться сквозь землю. Видимо, журналистка нашла мамину старую фамилию в свидетельстве о рождении – только там она еще и оставалась. Мама поменяла ее много лет назад, как раз чтобы ее *не нашли журналисты*.

– Я даже не знала, что все так серьезно, – сказала Эмма. – Честное слово. Когда увидела фото, просто обалдела.

Ее голос смягчился, напомнив мне, какой она была много лет назад. Опустив газету, я на секунду представила ее маленькой – веселую девчонку с заразительным смехом.

Я пробежала глазами статью, пытаясь понять, о чем говорит Эмма. В самом низу была фотография моей машины с высоты птичьего полета – разбитая и искореженная, она лежала на дне обрыва.

Машина упала. Аккуратно свернув газету и положив ее рядом, я обхватила руками колени и стала слушать свист ветра через разбитое стекло.

Первый урок. Математика. Хлопнув дверцей шкафчика в раздевалке, я сделала глубокий вдох, пытаясь избавиться от легкого необъяснимого страха. Как будто на меня надвигались стены, но не совсем. Прижав ладони к холодному металлическому шкафчику, я попыталась сосредоточиться среди гула голосов и смеха. Когда я только начала ходить в школу, этот коридор был препятствием, которое мне приходилось преодолевать каждое утро, – весь этот шум, люди, какофония звуков и толкотня. Я не слышала собственные мысли. Мама учила меня в таких ситуациях просто не останавливаться – шаг за шагом, и вот я уже снова дома. И в итоге я ко всему привыкла.

Но это. *Это* совсем другое дело. Что-то неизбежное – живот стиснуло, будто вот-вот стошнит. Я свернула в женский туалет и обтерла затылок влажной салфеткой. И уставилась на красную полосу, все еще красовавшуюся поперек пальцев.

Прозвенел первый звонок – урок начнется через две минуты, – и я подпрыгнула от неожиданности, живот скрутило, и я вдруг поняла: сейчас математика. Мне было страшно идти на математику. Страшно видеться с Райаном после нашей переписки. Это нормально? Это точно ненормально.

Насколько же проще переписываться. При личном общении мы вели себя неловко, вечно запинаясь и никак не могли сказать, что на самом деле думаем. По телефону он не видел, как я краснею или неприлично широко улыбаюсь. Мы могли сказать друг другу все что угодно под видом подписи к фотографии. А теперь мне предстояло его увидеть, и уже нельзя будет спрятаться за экраном. И в довесок ко всему еще эта статья. Моя дурацкая цитата. Уф! Неужели нельзя было придумать что-то получше, чтобы выразить ему благодарность?

Я встала перед открытой дверью, увидела, что он уже за партой – волосы спадают на лоб, рука крепко держит ручку, рисуя замысловатый узор на запястье, как будто переплетающиеся звенья цепи. Обычно Райан заходил в класс точно по звонку – за свою долгую школьную карьеру он в совершенстве овладел навыком появляться за партой в самую последнюю секунду. А я обычно сидела за партой еще до первого звонка. Сегодня все было наоборот. Потому что он отважный. А я трусиха. Точно.

Прозвенел второй звонок, и Райан поднял взгляд на дверь, как раз когда я вошла. Я помахала, слегка улыбнулась, и Райан ответил тем же.

– Привет, Келси, – сказал он.

Я села за парту:

– Привет, Райан.

Судя по тому, как все глазели на меня, крутя головами, новости об аварии мусолили не один раз, а учитывая, как Алиса в полном недоумении пялилась на мои ноги, как бы удивляясь, что они до сих пор на месте, не обошлось без красочных преувеличений.

Учитель попросил минутку внимания, и Райан откинулся на спинку стула, вертя ручку между пальцами.

– Приятно видеть вас живой и невредимой, мисс Томас, – сказал мистер Грэм. – Мы все ужасно перепугались.

Я вжалась в сиденье в поисках подходящего ответа. *Просто рада, что осталась в живых, мистер Грэм.* Наконец промямлила неловкое «спасибо». Из коридора мистера Грэма позвала администратор, и он ненадолго вышел. Все загалдели, а я стала краем глаза подглядывать за Райаном. Он тоже подглядывал за мной.

Дорисовав узор на запястье, он постукивал под столом ногами – может, он тоже нервничал? Я вспомнила его друзей – как они приходили в «Хижину», вместе смеялись, договаривались пойти гулять, прощались и хлопали друг друга по спине, как Райану писали девочки вроде Холли – все это наверняка придавало ему уверенности в себе. И так оно и было, иначе он не стал бы пожарным и не полез бы за мной в машину. Но еще я вспомнила его голос, его слова... *Не бойся.* Я прислушалась. *Не бойся, Келси.* Я нагнулась к нему через проход. Он поднял бровь и слегка улыбнулся.

– Поздравляю, – прошептала я.

Он замер. Перестал вертеть ручку.

– С чем?

– С наградой, – ответила я. – С медалью.

Он опять стал рисовать у себя на запястье, украдкой поглядывая на меня, как будто не зная, серьезно я или нет.

– Я про церемонию сегодня вечером, – добавила я.

Он замотал головой, избегая моего взгляда.

– Такая тупость. Я их просил все отменить. Сказал, что не хочу никаких наград, – сказал он.

– Это не тупость, – возразила я.

Он заполз в машину над обрывом. Поступил смело. Он заслуживал медали.

Мистер Грэм вернулся в класс:

– Так, убрали учебники! Начинаем контрольную.

Он потер ладони. В классе поднялся коллективный стон, и кто-то прошипел:

– Радость-то какая.

Раздавая листы, мистер Грэм остановился у моей парты:

– Келси, если не готова, я тебя освобожу.

– Готова, – ответила я.

Возможно, мне стоило пойти в класс уровнем выше – благодаря маминему домашнему обучению я продвинулась намного дальше, – но тогда мне было бы нечего делать в следующем, выпускном году.

Остаток урока Райан ни разу на меня не взглянул и не попросил его подождать, когда я быстро засобирала учебники после звонка. Он не предложил встретиться после уроков и ничего мне не писал весь оставшийся день. Как будто Райан из телефона существовал, только когда его никто не видел. А я-то думала, что он специально пришел пораньше, чтобы поболтать со мной перед уроком. Решила, что наша переписка что-то значила. Что мы теперь друзья. Что мне просто надо набраться смелости.

– Вообще-то я не такси, – ругался Коул со своей матерью по телефону, когда мы стояли на парковке.

Он должен был подвезти меня, а потом вернуться и забрать Эмму после тренировки по футболу. Я встала рядом с пассажирским сиденьем, не зная, должна ли я сесть в машину или подождать, когда он подаст мне знак. Мимо шел Райан с Эй-Джеем и Лео. Увидев меня, он замедлил шаг.

– Поехали, – отвлек меня Коул.

Мы ехали в тишине, но мне показалось, что так даже лучше.

– Спасибо, что подвез, – поблагодарила я, когда он подъехал к дому.

Он наклонился вперед, рассматривая ворота и дом, и вздохнул.

– Завтра в то же время? – спросил он.

– Я буду здесь, – ответила я и вышла из машины.

– Келси? – позвал он негромко.

Я остановилась у железных решеток.

– Если что, я рад, что ты в порядке.

И он уехал.

В окне показалась мамина тень, шторы распахнулись, а затем снова закрылись, едва я нажала большим пальцем на защитный экран у ворот. Когда я поднималась по лестнице на крыльцо, она уже отперла дверь. Стоя на пороге, мама подождала, пока уедет Коул, а затем закрыла и заперла за мной дверь. Хотя, пожалуй, «закрыла» – слишком слабо сказано. Дверь захлопнулась с такой силой, что задрожали фотографии на стенах.

Я сделала шаг назад. В доме пахло фасолью и сиропом, а мне не хватало пространства и воздуха.

– Значит, – сказала я, – ты уже видела.

Она была сама на себя не похожа, хотя я знала ее лучше всех. Даже стояла как-то иначе, иначе смотрела на меня. Ее руки были сжаты в кулаки.

– Что видела? Твою фотографию, мою фамилию в статье с твоей цитатой? Да, видела.

– Да я почти ничего не сказала, конечно же, – ответила я. – Фамилию она узнала не от меня. Я сказала ей «без комментариев», но она продолжала расспрашивать, и...

Мама подняла руку:

– Келси, больше всего меня расстраивает, что ты ничего мне не рассказала. Ты разговаривала с журналисткой, хотя знала, что я бы этого не хотела, и что, ты думала, я не узнаю? Про аварию показали на федеральном канале! Все только об этом и говорят, а теперь у них еще и наш адрес есть!

– Нет, – сказала я, – ты не понимаешь. Она позвонила, и я...

Мама пристально посмотрела на меня, холодно и твердо.

– Она позвонила? А где я была в этот момент? Ты пыталась скрыть это от меня?

– Боже мой, мама, ничего страшного не произошло. Ты была в кабинете с Джен!

Она сделала глубокий вдох, закрыла глаза, но было видно, что способ не сработал.

– Нельзя просто так брать трубку, – произнесла она таким тоном, как будто я передала вражескому государству шифр для запуска ядерной ракеты. – Для этого у нас есть автоответчик.

– Я думала, что знаю, кто звонит, – защищалась я. – Прости!

– И кто? Ты думала, что это тот мальчик? – Мама вдруг показалась мне чужим человеком, лишенным здравого смысла, а весь разговор – стыдным, обидным и абсолютно ненормальным. Да так оно и было. – Я не так тебя воспитывала. Я учила тебя *думать*.

– Я думала, что звонит Анника, – сказала я, – потому что не смогла дозвониться на мобильный.

Я хотела попросить маму взять себя в руки, услышать, что она говорит, но она все терла свои шрамы на спине, и я подумала, что ей и так понадобилось семнадцать лет, чтобы отпустить меня в школу, и для нее это уже прогресс. Не все можно просто так стряхнуть, и воспоминания, до которых она сама не могла добраться, – прямое доказательство. Людей похищают, держат взаперти, бьют. Опасность повсюду. И вот перед ней стою я, живое доказательство.

Прозвенел таймер. Мама пошла на кухню и убрала с плиты свое варево. Я больше не могла терпеть эту вонь. Я больше не могла терпеть ее.

– Мне надо делать уроки.

Но она потянулась ко мне рукой в варежке-прихватке, и я задержалась у раковины.

– У меня такое ощущение, что я... что я тебя теряю.

Что ты ускользаешь, проваливаешься куда-то... Авария, фотографии, статья в газете – все вышло из-под контроля.

– Я здесь, – ответила я. – И у меня все нормально. – Я глубоко вздохнула, проглотила комок в горле и приготовилась сказать то, что говорить совсем не хотелось. Но я это сказала. – Мы в безопасности.

Мама кивнула, но половину лица закрывали растрепавшиеся волосы, и невозможно было понять, что она думает. Она взяла нож и принялась резать мясо.

За едой мы обе молчали, валяя по тарелке фасоль.

– Мам, – начала я, решив, что она немного остыла, – ты, наверное, видела, что сегодня будет церемония награждения, и Райан...

– Так этот Райан из статьи – тот же Райан, из-за которого ты вчера не могла отлипнуть от телефона?

– Ну, да, – ответила я. – Мы с ним... друзья.

По крайней мере я на это надеялась. Хотя не была уверена. И отчасти именно поэтому хотела пойти на церемонию награждения. Я чувствовала, что должна, – это уже касалось не только нас двоих. Авария оставила на нем свой отпечаток, и, кажется, его видела только я.

Мама подняла на меня глаза и прищурилась, словно уже знала, что я собираюсь сказать.

– Мне нужно быть на этой церемонии, – сказала я. – Я хочу попросить Аннику меня отвезти.

– Исключено, – ответила она. – Я не хочу, чтобы тебя показали по телевизору. Ты знаешь, как я отношусь к частной жизни.

Да уж, я знала. И вдруг стены как будто поехали на меня, ворота взмыли вверх, все стало слишком узким и тесным. И впервые я задумалась: а что, если Джен права и я такая из-за мамы? Что, если мама специально меня так воспитала, чтобы я не бросила ее одну?

– Ты же должна выпускать меня из дома, – напомнила я. – Ты *должна*...

– Я никому ничего не должна, Келси. Ты только что была в школе. Этого вполне достаточно. А все остальное – на усмотрение родителя. На *мое* усмотрение.

Насколько я помню, это была наша первая настоящая ссора. Обычно я соглашалась с ее решениями, а ее мысли просачивались в меня и становились моими собственными, как и ее страхи.

– Дай мне объяснить...

– Ты никуда не поедешь. С сегодняшнего дня ты будешь ездить только в школу, а оттуда сразу домой. Я все сказала.

Хотя она еще только начала есть, я отнесла свою тарелку в раковину и ушла к себе в комнату, хлопнув дверью. Я включила музыку, так громко, чтобы звенели окна. Позвонила Аннике и спросила, что она собирается делать вечером. И приготовилась сделать то, что рано или поздно делают все нормальные подростки. Я собиралась тайком уйти из дома.

Глава 9

Я поставила плейлист на повтор, надеясь, что мама даст мне позлиться весь вечер. Иногда дом казался слишком большим для нас двоих – у каждой была своя половина с отдельным коридором, – но иногда он, наоборот, казался тесным. Повсюду стены, спертый воздух, двери то открывались, то закрывались в каком-то ненужном ритуале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.